

апрель 2016, Москва

Изва-Читальня

журнал

Специальный выпуск

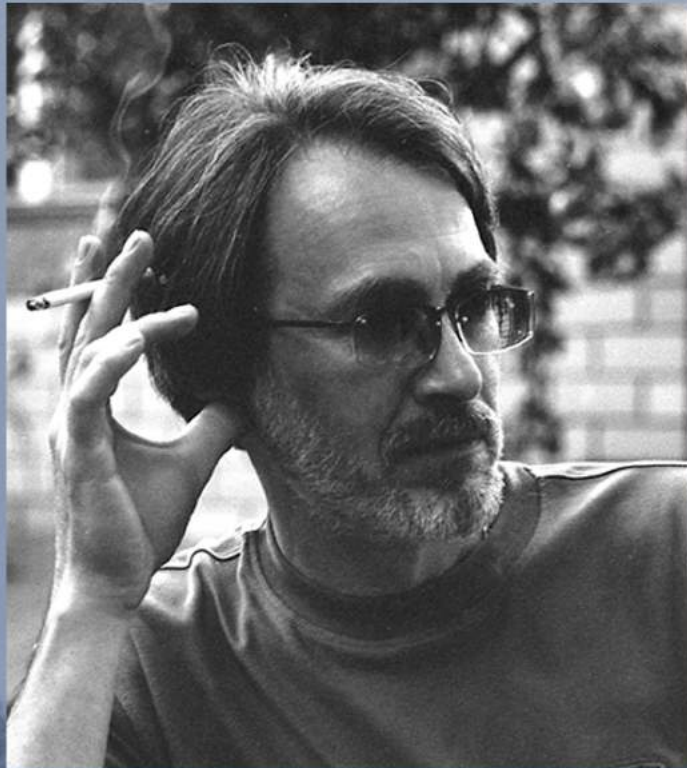
Памяти Игоря Царёва

ISBN 978-5-9907573-0-1

9 785990 757301

Светлой памяти Игоря Царёва

Великая простота

«... есть простота, которая хуже воровства, но мы же не об этом говорим. Вот "Капитанская дочка" — ясная, чистая проза. Вот пейзаж Поленова — откуда эта простота и трогательность, как ее объяснить? Только художник высшей пробы может удивить простотой. А неталантливый художник должен повыпендриваться»

Станислав Говорухин

4 апреля 2016 года исполняется 3 года со дня ухода из жизни Игоря Царёва - поэта, прозаика, журналиста. Член Союза Писателей (секция «Проза»), автор более десятка научно-популярных книг, член Союза Журналистов, прошедший путь от корреспондента до ответственного редактора ведущей газеты страны, для всех нас он, прежде всего, был и остается истинным Русским Поэтом.

Игорь Царёв – поэт такой величины и силы, что в литературных и околотрудоватурных кругах еще при его жизни последние два десятилетия называли «эпохой Царёва». Талант этого поэта, редкая образность и чистота мысли, умение с равным мастерством описать в своих стихах все те темы, за которые он брался, прекрасный стиль изложения, потрясающее владение литературным русским языком ставят его в один ряд с Классиками русской поэзии. Если собрать вместе все искренние восторги самых разных людей в адрес Игоря Царёва, то станет ясно, что он уже при жизни был обречен на бессмертие.

Ясная гражданская позиция и бесконечная любовь к своей земле и своему народу выражается в его произведениях не в возмущении и гневных призывах. Ни в одном из его стихотворений нет вопросов «Сколько можно терпеть?» и выяснений «Кто виноват?» - только печальный рассказ и надежда. Он ступает мягко и интеллигентно, словно боясь потревожить, но при этом дает возможность задуматься и сделать выводы. И чем больше читаешь его стихи, тем мощнее становится их накат, тем сильнее ощущаешь силу их влияния - они захватывают по нарастающей. В них столько русского, настоящего, трагического и одновременно светлого, что они сразу становятся твоими - и даже не важно, речь идет о дне сегодняшнем или вчерашнем. Ведь в них жизнь во всех ее проявлениях - и радостных, и печальных, и ее мудрое принятие...

За легкостью и иллюзорной простотой изложения скрывается глубокая философия, которую воспринимаешь подсознанием, без дебатов и споров. Поэт заставляет задуматься, остановиться и снова перечитать строчки, которые ненавязчиво напоминают, что и ты – тоже часть общей боли. Но не только боли, а еще и общей надежды, и общей гордости за свою принадлежность к многострадальному, но великому народу.

Вид со стороны реки на исторический центр города от улицы Ленина к ул. Муравьева-Амурского

Дебаркадер на Амуре

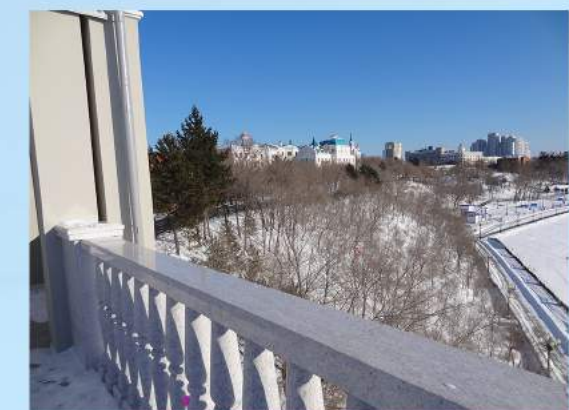
Центральный парк отдыха (ЦПО). Центральная лестница парка от Соборной площади и Успенского собора к исторической части набережной реки Амур

Площадь Славы. Спасо-Преображенский Кафедральный Собор. Рядом высотное здание - радио-телецентр. Вид со стороны города – на реку Амур

**Журнал «Изба-Читальня»,
Специальный выпуск, апрель 2016
Название: Памяти Игоря Царёва
Учредитель: РОО «Изба-Читальня»
Издательство: Литературно-художественный портал «Изба-Читальня»
ISBN 978-5-9907573-0-1
Главный редактор Валерий Белов
Редактор-составитель Ирина Царёва**

**По вопросам приобретения продукции
Издательства «Изба-Читальня» обращаться:
belovbiblevirsh@mail.ru
8-916-2959097 или 8-966-1938768**

Вид с Амурского Утеса на Набережную имени Г.Невельского и историческую часть города

Колокольная и кандалная

Перепахана, перекошена,
Колесована, облапошена,
Русь, расхристанная просторами,
Четвертована на все стороны.

И великая, и дремучая,
Ты и любишь так, словно мучаешь –
Ноги бражников и острожников
Зацелованы подорожником.

Но над пропастью или в пропасти
Мужики здесь не мрут от робости –
И с метелями зло метелятся,
И рубахой последней делятся.

Бесшабашная и мятежная,
Даже в радости безутешная,
Покаянная доля пьяная,
Да и трезвая – окаянная.

Хорохоримся жить по совести –
Не винцо с дрянцой на крыльцо нести.
Но болит душа – не погост, поди! –
Все равно грешим. Прости, Господи!

Колокольная и кандалная,
И святая Русь, и скандальная,
Не обносит судьбой пудовою,
Ни медовою, ни бедовою.

И морозные сорок градусов
То ли с горя пьем, то ли с радости,
На закуску капуста хрусткая
Да протяжная песня русская.

И не важно даже, про что поют,
Если душу песнями штопают.
Пусть лишь звонами, Русь, да трелями
Будет сердце твое прострелено.

Зимняя дорога

Бывают зимы в Чили и Гвинее –
Когда дожди становятся длиннее.
Но вызревшим под пальмой золотой
В горячке белой невообразимы
Российские пронзительные зимы,
Царящие над вечной мерзлотой.

Ни волооким мачо Сенегала,
Которых смертной вьюгой не стегало,
Ни кучерявым хлопцам Сомали
Ни дать, ни взять исконно русской дани –
Купания в крещенской иордани
У краешка заснеженной земли.

А нас-то как сподобило, а нас-то!..
Поджаристую корочкою наста

Привычно закусив ядреный спирт,
Пофлиртовав с метелью-завирухой,
От Коми до Курил под белой мухой
Страна в снега закуталась и спит.

Лишь наш «зилек» – раздолбанный, но ходкий,
К Алдану пробиваясь из Находки,
Таранит ночь то юзом, то бочком...
А в тишине значительной и хрупкой
Якутия дымит алмазной трубкой,
Набив ее вселенским табачком.

И чтобы удержать тепло и радость,
Поем и пьем, лишь повышая градус.
А как иначе угодить душе,
Когда зима – не просто время года,
А в дебрях генетического кода
Невыводимый штамп о ПМЖ...

Там, где кончается асфальт

Высокомерность городов,
Пронизанная нервным током,
Мне благодатью не воздаст,
Каких молитв ни возноси я.
Но оживают корни слов,
Лишь прикасаешься к истокам
Там, где кончается асфальт,
И начинается Россия.

Ее березовый подол
Всевышней милостью храним был.
Ее рябиновая грусть
Светлее радостей небесных
Над нею тысячи святых
Склоняют золотые нимбы,
За нею тысяча чертей
Следит внимательно из бездны.

Там, где кончается асфальт –
И начинается Россия!

На Северной Двине

Когда на Северной Двине я,
От тишины деревеняя,
Взошел на каменный голец,
Каленым шилом крик совиный
Меня пронзил до сердцевины,
До первых годовых колец.

И все, что нажил я и прожил,
До мелкой обморочной дрожи
Предстало серым и пустым.
А ветер гнал по небу блики
И как страницы вещей книги
Трепал прибрежные кусты...

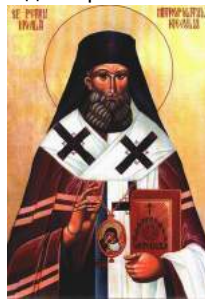
От Могилы до Царёва

Настоящее имя Игоря Царёва – Игорь Вадимович Могила. Он потомок древнего рода Могил, о принадлежности к которому упомянул в своих стихотворениях только один раз:

*Восток – дело тонкое.
 Дальний Восток – тем более.
 Как понять, что, родившись там,
 я живу в столице?
 Память детства дрожит комочком
 сладчайшей боли,
 Храня щепотку золотых крупиц –
 имена и лица.
 Я, испытав все прелести
 ветра странствий,
 Планеты шарик не раз обогнул
 в самолете гулком,
 Стал со временем избегать
 суеты в пространстве,
 Предпочитая движение мысли
 иным прогулкам.
 Все объяснимо – меня голова,
 а не ноги, кормит.
 А голове отдыхать приходится
 крайне редко.
 И с каждым годом все дальше крона,
 все ближе корни,
 И все дороже мечты и вера
 далеких предков.
 Один мой пращур
 «всёя Руси» был архиепископ,
 Другой штаны протирал когда-то
 на троне Польши,
 А я в Москве десять лет
 не мог получить пропуска
 Но, получи ее раньше,
 навряд ли успел бы больше.
 Пишу стихи. А у тех, кто пишет,
 своя дорога.
 И не нужны им – ни трон, ни митра,
 ни «мерин» чальи.
 Во все эпохи поэты слушают
 только Бога
 И ищут Слово, чтоб в этот мир
 возратить Начало.*

(Игорь Царёв. «В поисках слова»)

Игорь – потомок митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси Петра Могилы. *«Имя Петра Могилы — одно из лучших украшений нашей церковной истории. Он, несомненно, превосходил всех современных ему иерархов не только Малорусской, но и Великорусской Церкви и даже всей Церкви Восточной, превосходил своим просвещением, ещё более свою любовь к просвещению и своими подвигами на пользу просвещения и Церкви. Для своей Малорусской Церкви он оказал величайшую услугу тем, что отстаивал перед королём Владиславом IV главные её права, поруганные латинянами и униатами, и мужественно защищал её в продолжение всего архиепископского служения; восстановил в ней многое, прежде ниспровернутое или разрушенное врагами, и положил в ней начало для лучшего порядка вещей. Всея Русской Церкви оказал великую услугу основанием и обеспечением своей коллегии, послужившей первым рассадником и образцом для духовно-учебных заведений в России»,* – писал выдающийся историк Русской Церкви митрополит Макарий (Булгаков, 1882).

В 1996 году Священный Синод Украинской Православной Церкви канонизировал в пределах Украины святого Петра, митрополита Киевского. А 8 декабря 2005 года святитель Петр был канонизирован на всей территории Российской Православной Церкви. В память его был учреждён орден святителя Петра Могилы.

В столыпинские времена род Могила был переселен на Дальний Восток, где прадед Игоря в Благовещенске Хабаровского края построил дом – новое родовое гнездо. А в 2014 году в Хабаровске произошло знаковое событие, подтвердившее прямую связь хабаровских Могила со святителем Петром Могилой – в архивах города был найден «Требник Петра Могилы», который считали безвозвратно утерянным после многолетних поисков на территории Украины, где живут люди с той же фамилией.

Игорь гордился своими предками и никогда не думал изменять родовой фамилии, на которую порой неадекватно реагировали не очень просвещенные люди. Но когда он стал журналистом, руководство «ненавязчиво» попросило его подписывать свои материалы псевдонимом. Руководство по-

нять можно – когда статья заканчивается, к примеру, словами «Вечная память героям!», а следующей строчкой идет подпись «И.Могила», это вызвало нездоровую реакцию у читателя!

С псевдонимом не складывалось – кем только Игорь не был! И.Гориним, И.Рининим, И.Кургановым... И только тогда, когда он стал писать статьи и книги в соавторстве со мной, появился совместный псевдоним «Игорь Царёв» – его имя и моя фамилия. В дальнейшем к этому имени читатели привыкли и воспринимали его как имя одного человека. И тогда мы приняли решение разделить, оставив за Игорем уже привычное для всех имя – Игорь Царёв, а за мной – мое собственное имя. А для соавторства был модифицирован старый псевдоним – и появились Игорь и Ирина Царёвы. Под этим общим именем мы и писали более 20 лет. И только в официальных бумагах, да в памяти близких Игорь оставался Могилой – потомком славного рода.

Огонь и вода

Игорь Могила родился 11 ноября 1955 года в поселке Гродеково (ныне поселок Пограничный) Приморского края на границе с Китаем.

Отец Игоря – Могила Вадим Петрович в то время был инженером на железнодорожной станции Гродеково. В дальнейшем он занялся наукой, преподавал в Железнодорожном институте (ныне Университет путей сообщения) в городе Хабаровске. В настоящее время он – профессор, выпустивший немало знаковых для ЖД России фигур, и по сей день продолжает работать. Мать Игоря – Кириллова Екатерина Семеновна свою жизнь посвятила преподаванию русского языка и литературы. За ее плечами более 60-ти лет трудового стажа и бесчисленное число учеников.

Она оставила работу за год до ухода из жизни сына.

Игорь – их единственный ребенок...

Из воспоминаний мамы Игоря:
«Я была на шестом месяце беременности. В тот день я по шпалам шла в поселок Гродеково. И тут началась страшная гроза. Молнии били одна за другой. Ужасно гремел гром. До поселка было еще далеко. Я побежала, а гроза двигалась следом, как

будто догоняла меня. Я теряла силы, садилась на землю и умоляла Бога оставить моего ребенка живым. Иногда мне кажется, что сын моими глазами увидел эту бушующую стихию и именно тогда получил дар писать стихи...

Потом была еще одна страшная история. В роддоме, где я только что родила Игоря, начался пожар. Приехавшие пожарные не могли его загасить. И тогда Вадим Петрович (он был инженером на ЖД станции Гродеково) подошел с запасных путей паровоз, в тендере которого около десятка тонн воды, необходимой для работы паровых машин. В те годы паровозы были оснащены пожарным оборудованием, с помощью которого вода под действием большого давления пара выбрасывалась через специальный наконечник на значительное расстояние. Пожар потушили...»

Так что огонь и воду Игорь впервые (но не в последний раз) прошел еще до и во время своего рождения. Гродековский «привокзальный» период жизни был недолгим, но навеки отложился в его памяти:

*Когда микросхемы были большие,
а я у маменьки маленький,
Мы жили на станции у границы –
провинция, губы бантиком!
Там искры звездные, паровозные
сыпались в снег под валенки,
И мне казалось, что гул вокзала –
это и есть романтика...*

*Тогда и упал уголек под сердце
крупницей перца. И вот – как! –
То жжет и тлеет досады злее,
то вспыхивает шутихою...
Его изматывал я дорогой,
глушил стихами и водкою,
А тело тайком от души хотело
укрыться под крышей тихою.*

*От Енисея до «Елисея» Расея
стократно пройдена,
Но став на тысячи верст богаче,
я счастье лишь на краю настиг.
Из всех сокровищ в душе лепя
два слова: «любовь» и «родина»,
Камин на даче я разжигаю
подшивкою старой «Юности»...*

*Но став счастливо-несуетливым
(пусть звезды вершат кружение!),
стараюсь гордо
сквозь век стержозный
себя разворотом плеч нести.
И чужа складками битой шкуры
привычное с детства жжение,
В сугробы искоркой паровозной
лечу я под ноги вечности.*

*(Игорь Царёв. «Искры звездные,
паровозные»)*

Детство и юность Игоря прошли в Хабаровске. Это было время, наполненное чтением научно-популярных

журналов, которые родители выписывали для него в полном объеме, и книг о путешествиях, которые он проглатывал одну за другой. Это было время занятий спортом, походов с отцом на охоту, время первых стихов и рисунков, выпуска школьных газет, время первой любви и первых разочарований...

По окончании математической школы Игорь поступил в ЛЭТИ (Ленинградский электротехнический институт).

студенческий клуб-кафе «Гаудеамус», «гастролирующий» по городам и весям, и Игорь не прошел мимо него.

Друг студенческих лет **Андрей Тихомиров** вспоминает: «...Игорь активно писал сценарии, заполненные собственными стихами... Однажды, мне довелось стать свидетелем написания его очередного шедевра. Прихожу домой, Игорь сидит с авторучкой в руке на диване, заваленном листами бумаги. Меня он не видит - совершенно трезв, но в полной отключке. Вот так и елозил ручкой по бумаге дня три. Нет, конечно, были перерывы на поест, поспать, но сразу же после этого - тумблер в положение «откл.» - и снова отсутствует... Что самое интересное, стихи из-под его пера выходили практически без черновиков, будто кто-то ему их диктовал...

Я думал: почему он всегда поощрял написание песен на свои стихи мной и другими, хотя у него самого было уже несколько прекрасных песен, которые он мог сам исполнять, срывая аплодисменты? И пришёл к выводу, что Игорь не только не был тщеславен, а ему просто на всё еще и времени не хватало. Главным для него всегда были стихи – ради них он оставил ленинградский Клуб карикатуристов и отказался от других своих увлечений. Я уже тогда понимал, что Игорь никогда не будет инженером, что, несмотря на все хиханьки-хаханьки первого этапа его поэтического творче-

ства, жизнь его будет связана с литературным трудом».

Однако, как вспоминает Тихомиров, учеба давалась Игорю легко, и он, практически совсем не корпевший над конспектами лекций, умудрялся получать на экзаменах хорошие оценки. В итоге после окончания института был распределен в Москву в закрытый почтовый ящик, где проработал до 1982 года инженером-конструктором.

В 1982 году без провода и объяснений Игорь неожиданно увольняется из ящика, а в 1983 году уже начинает работать в «Московском комсомольце» – предчувствия не обманули Андрея Тихомирова...

Два года Игорь писал для «Московского комсомольца», затем, оперившись, перешел в газету «Труд», тираж которой в те времена был многомиллионным, что позволило газете попасть в Книгу рекордов Гиннеса. За 22 года работы в «Труде» он, не имеющий журналистского образования, прошел путь от корреспондента отдела информации, физкультуры и спорта (1985-1989г.г.) до заместителя редактора, затем исполняющего обязанности редактора этого отдела (1989-1998 г.г.), а в 1998 году был назначен ответственным секретарем еженедельника «Труд-7».

Игорь много писал, несмотря на то, что последние годы работал в роли «руководящей административной единицы» в «Труде-7». Не считая неисчислимого множества плановых публикаций, он написал более 400 актуальных статей, вызвавших активный отклик читателей, и 12 научно-популярных книг (часть – в соавторстве с женой), выпущенных издательствами «Советский писатель», «ГОЛОС», «РИПОЛ классик», «АиФ-Принт», «ОЛМА» многотысячными тиражами.

В 2001 году двое коллег по «Труду» и одновременно членов СП убедили Игоря последовать их примеру. Рекомендацию ему и мне дал известный писатель Еремей Парнов, и в 2001 году мы стали членами Союза писателей России – секция «Проза». И до конца жизни Игорь официально так и остался «прозаиком».

В 2007 году меняются хозяева и политика «Труда», и Игорь переходит в «Российскую газету» на должность ответственного редактора (зам. шеф-редактора) еженедельника «Российская газета-Неделя». Там уже было не до писательства, зато стихи рождались между делом – они, ведь, не труд, а найтие...

Это было последнее место его работы. 4 апреля 2013 года в своем ра-

бочем кабинете 57-ми летний и, казалось, абсолютно здоровый Игорь Царёв ушел из жизни...

Медные трубы

Медные трубы впервые зазвучали в судьбе Игоря незадолго до его ухода из жизни. Он их не ждал и не прикладывал никаких усилий к тому, чтобы «трубачи» обратили на него свой взор.

Замечательная поэтесса из Англии

Екатерина Горбовская опубликовала в сети переписку (с разрешения ее участников) и свои собственные комментарии:

Дмитрий Сухарев – Игорю Бяльскому: ...не могу удержаться,

хочу поделиться поэтом, которого впервые прочитал только сегодня – с подачи Минакова, спасибо ему. По моему, высокий класс. На снимке бородат. Больше добавить пока нечего. Зовут – Игорь Царёв. В ЖЗ (Журнальный Зал – авт) всего одно упоминание, но в интернете куча стихов (неопубликованных?).

Ваш Антончик.

Извините, копию этого письма скрыто шлю нескольким друзьям, имеющим отношение к вам и изящной словесности.

Екатерина Горбовская – Дмитрию Сухареву: Дмитрий Антонович, это совершенно прекрасно, это с ума сойти, как здорово, это даже не здорово, это... Господи, как же хорошо, что это есть, а то я так устала читать всё то, что они теперь за стихи выдают – устала и приуныла... Спасибо вам, пойду ещё искать в сети.

А можно, если будет кураж, я вашу рассылку у себя в ЖЖ перепощу?

Екатерина Горбовская – из поста «Что охраняем, то и имеем (с)» в ее ЖЖ от 5 апреля 2013 года:

...Публикуя 17-го февраля пост «Игорь Царёв», я цитировала из письма, в котором Дмитрий Антонович Сухарев говорит об этом доселе неизвестном ему авторе: «В ЖЗ всего одно упоминание, но в интернете куча стихов (неопубликованных?)»

Я знаю, что стоит за этой фразой.

Когда в 2009-м я решила, что я «вернусь»... я вернусь из того небытия, откуда, как мне говорили, обральной дороги нет. Кому-то на радость, кому-то на зло, но я сделаю этот камбэк, чтоб они там не писали больше: «А то тут кто-то считает Екатерину Горбовскую неизвестным поэтом Серебряного века, а кто-то и в живых не числит...»

Но вернуться в «бытиё» – это значит засветиться в ЖЗ. Либо ты в ЖЗ, либо тебя «для них» просто нет. И я это прекрасно понимала, не маленькая. Эту программу минимум, я выполнила, поимев за два года семь «засветок» в ЖЗ – за что я бесконечно благодарна всем причастным. И, что самое ценное, многие из тех, с кем меня свела судьба в процессе подготовки этих публикаций, навсегда останутся в моей «копилке чудесных людей», а эта копилка – была и есть моя главная сокровищница. Но выполнив эту обязательную программу-минимум, я «особо не зарекаюсь», сказала, что больше в эти игры не играю. И объяснила почему...

Игорю Царёву было 57 лет. Это был крупнейший и мощнейший поэт, равных которому среди ныне живущих я не знаю. И у него было в ЖЗ всего одно упоминание.

А теперь пойдите в ЖЗ, кликните там наверху «авторы» и полюбуйтесь на занимаемые должности тех «авторов», у которых цифра этих упоминаний в ЖЗ переваливает за полсотни. Да вот просто навскидку для затравки:

Алексей Алёхин (главный редактор журнала «Арион») – 59

Глеб Шульпяков (зам. гл. редактора журнала «Новая Юность») – 89

Владимир Салимон (зам. гл. редактора журнала «Вестник Европы» и всеобщий милый друг) – 72

А дальше уже – сами. Если интересно, конечно.

Лично мне оно уже не интересно.

Но мне жаль, мне безумно жаль, что прекрасный Игорь Царёв дал себе когда-то зарок «никогда не использовать имеющийся в его распоряжении административный ресурс». Потому что это только сыграло на руку тем, у кого вся жизнь построена именно на том, чтобы иметь то, что они охраняют, и «принимать славу друг от друга». Так было, так есть, и так будет. И блажен тот, кто в эти игры не играл.

...я, с любезного разрешения Станислава Минакова, публикую его совсем недавнюю, от 19-го февраля, переписку с Игорем Царёвым, которую он вчера показал Дмитрию Антоновичу Сухареву, предварив её некоторыми нашими эпистолярными репликами.

Станислав Минаков – Дмитрию Сухареву: Получилось как-то весьма символично. И вот, не поверишь, всегда что-то щелкает в таких случаях, всегда чувствуешь какую-то непростоту происходящего. Вдруг пошло движение с его стихами, словно море вспенилось. Премия (уже потом). Он как-то виртуально пожимал плечами, неловко улыбался, что ли. Писал мне 19 февраля об этом в личку (копирую, остались сообщения):

«Прямо лавина в предгорьях Эльбруса».

Дмитрий Сухарев – Екатерине Горбовской: Мы все были обрадованы, открыв для себя стихи Царёва, но ваша радость была особенно пылкой и действенной, спасибо, наверняка она вызвала у автора сердечный отклик. Вы сделали больше всех нас ради того, что он назвал «лавиной в предгорьях Эльбруса». И вообще, подтверждается старая истина: давайте восклицать – спешите выразить свою благодарность каждому, кто ее заслужил.

В своем посте Екатерина Горбовская дает ссылку на страницу Игоря, и вот первая реакция читателя:

«Почему мне, досужему читателю, не показывают ТАКИХ авторов в этом долбаном ЖЗ, куда я, доверчивый досужий читатель, захожу в поисках чего-нибудь настоящего и стоящего, потому что, куда же ещё мне, досужему читателю, в этих поисках податься?»

Почему в ЖЗ мне из месяца в месяц показывают вот такуських авторов, и напоказывались уже до того, что меня априори тошнит от всего, что в столбик? Они, что, сговорились все? Или у них там круговая порука какая?...

А это уже непосредственно из переписки Игоря Царёва и Станислава Минакова:

Игорь Царёв: Стас, просто я старый уже журналиста, и всегда мог хорошо пропиарить свои вирши, используя административный ресурс (всю жизнь работал и работаю в центральных газетах с миллионными тиражами). Но дал себе когда-то зарок - не прилагать ни малейшего усилия в этом направлении. Мол, если тексты достойны, сами пробьются. А нет – так тому и быть... И в этом году какой-то повышенный интерес от журналов пошел. В «Дальнем Востоке» подборка вышла (ребята из Владивостока сосватали). «В Сибирских огнях» (спасибо Леше Ивантеру) в марте появится. Вот, с твоей легкой руки (мой поклон) – еще один вариант вырисовывается... Так что процесс действительно любопытен уже сам по себе вне зависимости от каждого конкретного результата.

Станислав Минаков: Ну и с Богом. А что сами пробьются стихи – большой вопросительный вопрос.

Игорь Царёв: Это точно. Да и «не сами» – тоже под вопросом. Это я более чем понимаю. Потому меня процесс и интересует в большей мере, раз вероятный итог заранее известен.

Станислав Минаков: А каков вероятный итог? «Всё вечности жерлом пожрется?» (Державин)

Игорь Царёв: Именно.

"Лавина в предгорьях Эльбруса" после первых публикаций в пользующихся популярностью журналах действительно сорвалась – Игоря обнаружил читатель.

Когда в 2002 году Московская организация Союза Писателей выпустила первую книгу стихов Игоря Царёва «Море камни не считает», где были его «молодые вирши», Игорь книгу не афишировал. Для него начался период «взрослой поэзии».

Одна за другой стали появляться подборки его стихов в самых разных журналах, альманахах, на литературных порталах. К нему обращались за разрешениями на публикацию его произведений – он становился популярным. Подборки с его стихами неоднократно публиковали и продолжают публиковать российские и международные литературные журналы и альманахи, такие как «Поэзия», «Воскресенье», «Заблудившийся трамвай», «45-я параллель», «Ковчег», «Зарубежные задворки», «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Каштановый дом», «Чайка», «Окна», «АКМЕ», «Лит-э-лит» и многие другие.

Он стал лауреатом многих российских и международных конкурсов. Союз писателей тоже не обделил его вниманием – «Золотая Есенинская медаль», медаль А.С. Грибоедова, дипломы «Золотое перо Московии», «За верное служение Русской культуре и литературе», имени В.И.Вернадского, Александра Блока и другие – как шутил Игорь, «с барского плеча». Зато вне СП Игоря признали одним из лучших поэтов современности. «Гениальный поэт», «живой классик», «учебники литературы не будут полны, пока в них не будет стихов Царёва», – писали критики и читатели России и Зарубежья.

Игорь никогда сам не инициировал издание своих книг – ему хватало виртуального пространства, где его знали и читали. Но искренне радовался, когда ему дарили самиздатовские сборники его стихов, сборники, где он был в числе авторов, или буклеты с его подборками.

В 2011 году в Киеве одной из первых в «Серии «Каштановый дом» была издана книга его стихов «Соль мажор». В 2013 году в сети появляется электронный сборник стихов «Переводы с языков пламени». Одна за другой приходят к нему победы (1-ые места) в очень престижных российских и международных конкурсах: в Международном конкурсе «Споете, друзья» – национальная литературная премия «Золотое перо Руси» за высокое художественное мастерство (2008 год), «Серебряный стрелец – 2008», «Заблу-

дившийся трамвай – 2011», и, как завершение побед, национальная литературная премия «Поэт года – 2012».

В интервью, которое у него взяли после последней победы, Игорь отвечает на вопрос о том, что чувствует победитель: «Честно говоря, никак не ожидал, что жюри отдаст первое место и звание поэта года именно мне. В книге «100 поэтов», в которую вошло 100 финалистов конкурса, очень много достойных авторов: Михаил Свищев, Алексей Ивантер, Лариса Морозова-Цырлина... Да, всех и не перечислишь. Поэтому после присуждения третьего места Светлане Ширанковой и второго Олегу Горшкову, когда Марк Розовский сделал театральную паузу перед оглашением имени победителя, я просто с любопытством ждал – интересно, кто бы это мог быть?.. Позже посмотрел фотографии – я так и стою на сцене с букетом и золотым пером ошарашенный и без тени улыбки на лице. Мои близкие и друзья радуются, поздравляют, а я до сих пор в состоянии «победителя» никак не войду – ведь ничего не меняется. Только ответственности больше».

«Поэтом года» Игоря объявили 21 марта 2013 года в День поэзии, а ровно через две недели его не стало, и он не успел узнать, что стал еще и обладателем Гран-при международного конкурса «45-й калибр», приза президента Союза писателей XXI века Евгения Степанова и приза Литературно-музыкального салона «Дом Берлиных» (Лос-Анджелес).

А летом пришли еще два диплома с престижных музыкально-поэтических конкурсов: международного конкурса художественного творчества «По Чехову» и Международного Всероссийского фестиваля авторской песни имени Валерия Грушина (1-е место в номинации «Большая поэзия»).

На стихи Игоря написано не менее 150 песен (только из известных мне). Многие из них вошли в репертуар именитых исполнителей авторской песни и профессионалов. Песни на свои стихи Игорь принимал с особой радостью – потому, наверное, что ему было интересно, как другие слышат мелодию его строк. Но и сам пел – свои авторские

песни и песни, написанные дочерью или близкими друзьями. При этом всегда предупреждал: «Петь не умею!». Но всем нравилось...

4 апреля 2013 года Интернет был взорван скорбью людей, которые не могли поверить, что Игоря больше с ними не будет. Он сам, наверное, не мог даже представить себе, сколько светлых прощальных слов будет сказано ему людьми, которых он никогда не видел. Литературные порталы были переполнены словами соболезнования, стихами его памяти, искренним горем...

*Как этот день безнадежен и горек!
Вновь по живому скользнула коса.
Что ж ты так рано, «взойдя
на пригорок,
Руки раскинув, шагнул в небеса»?...*

*В вечном движении в поисках света
Бьется желание жадное жить,
Но беззащитное сердце поэта
Тяготы мира не в силах вместить.*

*Злою судьбой в безрассудстве
нелепом
Порвана жизни тугая струна...
В траурном небе, затянутом
крепом,
Плачет свечой поминальной луна...
(Алексей Казарновский
«Памяти Игоря Царёва»)*

Игорь ушел, но он остался. Он навсегда остался в своих стихах, прозе, песнях, в памяти тех, кто его знал, как Поэта и Человека. Он ушел, с достоинством пройдя огонь, воду и медные трубы своей судьбы.

*...Остальное и не кажется важным.
Согреваясь свитерком ацетатным,
Я однажды стану вовсе бумажным
И рассыплюсь по земле почитатно.
Дождь заплачет, разбиваясь о ставни,
Нарезая лунный лук в полукольца...
На полях ему на память оставлю
Переводы с языка колокольцев.
(«Переводчик».
Игорь Царёв)*

**Ирина Царёва,
жена поэта,
член СПР,
академик
Академии
Российской
Словесности**

Пусть

Рентгеном звезд просвеченный насквозь,
Душой из края в край как на ладони,
Не мудрствуя, надеясь на «авось»,
Молясь своей единственной мадонне,
Я не хочу меняться и менять
Усталого коня у переправы,
Тревоги, непутевого меня –
На крепкий сон неисправимо правых...

Пока в крови гудят колокола,
И небо осыпается стихами,
Пока запотевают зеркала
От моего неверного дыханья,
Почтовой тройкой, вдаль на ямщике
Через заставы, тернии и даты
Горячею слезинкой по щеке
Пусть жизнь упрямо катится куда-то...

Часы

Все по часам – и плачешь, и пророчишь...
Но, временем отмеченный с пеленок,
Чураешься и ролексов, и прочих
Сосредоточий хитрых шестеренок.
Они не лечат – бьют и изнуряют.
И точностью как бесом одержимы,
Хотя не время жизни измеряют,
А только степень сжатия пружины.
И ты не споришь с ними, ты боишься –
И без того отпущенное скудно!
Торопишься, витийствуешь и длишься,
Изрубленный судьбою посекундно.
Спешишь сорить словами-семенами –
Наивный, близорукий, узкоплечий,
Пока часы иными временами
И вовсе не лишили дара речи.

Незванная гостья

Засохший паучок висит за образами.
Уносят сквозняки последнее тепло.
Бездомная беда с голодными глазами
Алмазным коготком царапает стекло.

Ну, что же, заходи, на пару выпьем чаю,
Посетуем вдвоем на горькую судьбу.
Торжественный прием, увы, не обещаю,
Но это ж не беда? – прости за каламбур

Беда себя вела как истинная леди,
Присела на диван, закутав ноги в плед,
Пока ее согрел напиток цвета меди,
Прошло минуты три, а может десять лет.

Потом она ушла – без слов, но и без злости
Зачем-то узелком пометив свой платок,
А я не знал, как быть и, провожая гостью,
Ей руку целовал и подавал пальто.

И снова сквозняки гудят в щели под ванной,
И снова пустота – ни сердцу, ни уму...
И я напрасно жду визит беды незваной,
Ведь званою она не ходит ни к кому.

Назло печали зимней

Уже не течь небесной силе
По синим жилам горловым
Безумцев, что судьбе дерзили,
Но не сносили головы...
Каким неосторожным танцем
Мы рассердили небеса?
Когда чахоточным багрянцем
Еще горел Нескучный сад,
Когда на паперти осенней
Вовсю гремели торжества,
И только тени опасений
Кружила падшая листва.
По звездам, по венозной гжели,
По выражению лица,
Ах, ворожеи, неужели
Вы не предвидели конца?
Снегами копится усталость
В тени оконного креста...
И что же нам еще осталось –
Начать все с белого листа,
И греться в нежности взаимной,
И друг у друга есть с руки,
И жить – назло печали зимней,
Любя и веря вопреки...

* * *

С неба падает злой снег.
Ветер валит людей с ног.
Мир бы прожил еще век,
Если б ночь пережить смог.
На дороге хромой пес –
Он не помнит своих лет,
И бежит от седых ос,
Оставляя косою след
У него в колтунах шерсть,
А в глазах пустоты высь.
Молодежь говорит: «Жесть!»
Старики говорят: «Жизнь»...
И его горловой вой,
Как последних надежд крах,
И качается дом твой,
Словно тоже познал страх.

И мешает понять мрак,
Очертив на снегу круг,
Кто сегодня кому враг,
Кто сегодня кому друг.
Под ногой ледяной тьмы
Ненадежный хрустит наст.
И остались одни мы –
Кто еще не забыл нас.

На часах без пяти шесть.
Замедляет земля бег.
Молодежь говорит: «Жесть!»
Старики говорят: «Снег»...
И дрожит на ветру свет
Занесенных ночных ламп.
И кружит по земле след
Неприкаянных трех лап.

Слоник на комод

Тихой сапою катится с неба звезда,
И как слоник на пыльном комод
Я неспешно шагаю незнамо куда,
Неказист, неуклюж, старомоден.

А на том берегу беспробудного сна,
Где не принято петь коростелям,
Уж и баньку помыли, и печь докрасна
Раскалили, и скатерти стелят...

Но смирительный ворот последних рубаш
Не затянут на горле покорном,
И метели пока что скрипят на зубах
Восхитительно-снежным покорном.

Расчехлить бы гитару да выпить «по сто»
Без натужных речей и прелюдий...
Пусть, как воблу, подвяленной мордой о стол
Жизнь нас бьет – значит, все-таки, любит!

Что с того, что давно вся душа в синяках?
Не чужой же периной промята!
И бумажный журавлик надежды в руках
Еще пахнет дурманящей мятой.

Водоноша

Захлебнувшись от восторга,
Рукоплещет водосток.
Прогулявшись у Мосторга,
Дождь уходит на восток –
По шоссе Энтузиастов
Ясноглазый, заревой,
Выступая голенасто
С непокрытой головой.

Не январская пороша
Леденящую бедой,

А июльский водоноша
Освящает мир водой.
Значит, будет всякой птице
И напиться в роднике,
И от глаз чужих укрыться
В тальниковом тайнике.

Все бы ладно, да кукушка
Приутихла за рекой.
Ты б накинула, подружка,
От щедрот годок-другой.
Ну, а если, жизнь итожа,
Отстранишь меня от дел,
Разреши хоть водоношей
Посещать земной придел.

В гостях у Северянина

Все березы окрест расчесав на пробор,
Ветер трется дворянгой о санки.
Проплывает над полем Успенский собор,
Пять веков не теряя осанки.

И такой воцаряется в сердце покой –
Не спугнуть его, не расплясать бы...
И смиренно молчу я, касаясь рукой
Северянинской старой усадьбы.

Ну, казалось бы, крыша, четыре стены,
Но не скучною пылью карнизов –
Воздух таинством грамоток берестяных
И рифмованной дрожью пронизан.

Здесь проходят века сквозняком по ногам,
Время лапой еловой машет.
И играет скрипучих ступеней орган
Тишины королевские марши.

Потаенной зарубкою, птичьим пером,
Волчьим следом отмечено это
Заповедное место для белых ворон,
Неприкаянных душ и поэтов.

Ледяной горизонт лаконичен и строг –
Совершенством пугает и манит.
И звенит серебро северянинских строк
Талисманом в нагрудном кармане.

В белоснежной сорочке босая зима
Над Шексною гуляет да Судой.
Вместе с нею построчно схожу я с ума,
Или вновь обретаю рассудок?

Уходя, хоть на миг на краю обернусь,
Залюбуюсь пронзительным небом...
Я вернусь, я еще непременно вернусь,
Пусть, хотя бы, и выпавшим снегом.

УЙТИ, ЧТОБЫ ОСТАТЬСЯ

Быть знаменитым некрасиво?

Еще при жизни собратья по перу и просто восторженные поклонники посвящали Игорю Царёву свои стихи. Судя по его ответам, он смеялся над удачными пародиями, с интересом читал строчки из серии «навеяло», благодарил за добрые слова, но явно ёжился, когда получал восторженные оды.

«Тронут, что посвящено мне, хотя, считаю, что этого не достоин. Не делайте из меня идола, сударыня. В этой роли я ощущаю себя неловко», - это один из его типичных ответов.

Вспомним «быть знаменитым некрасиво» Бориса Пастернака. Да, некрасиво, неловко. Но это для живых. А для ушедших из жизни – «не имущих сраму» - понятие «быть знаменитым» теряет смысл. Ведь им нужна только наша молитва и добрая память. Но память, увы, имеет свойство стираться...

*День вчерашний забываем в простодушии своем,
Словно брата убиваем или друга предаем.
Что там явор кособокий, что усталая звезда,
На беспмятстве и боги умирают иногда.*

*Под больничною березкой ходят белки и клесты,
А за моргом – ров с известкой, безымянные кресты
Там уже и Хорс, и Велес, и Купала, и Троян...
Только вереск, вереск, вереск нарастает по краям.*

*Прячет память под бурьяном перепуганный народ,
А беспмятная яма только шире щерит рот -
И юнца сглотнет, и старца... Отсчитай веков до ста,
Рядом с Хорсом, может статья, прикопают и Христа.*

*Все забыто, все забыто, все прошло, как ни крути,
Только лунный след копыта возле млечного пути,
Только Волга над Мологой, кружит черною волной,
Только небо с поволокой, будто в ночь перед войной.*

(Игорь Царёв. «Забываем»)

О забвении, как о том, чего не избежать, говорится и в молитве: *«Когда уделом умершего станет забвение, когда образ его поблекнет в сердцах, и время изгладит вместе с могилою и ревность молитвы о нем, тогда Ты не остави его, дай отраду одинокой душе...»* (из «Акафиста за единоумершего»)

«Забвение» - страшное слово, особенно если речь идет о творческой личности. Ведь в этом случае забвение становится уделом не только самого человека, но и его творчества.

И этого допустить нельзя. А тем более нельзя позволить, чтобы забвение было рукотворным - когда «заведующие истиной» в поэзии, захлебываясь ненавистью к тому, кто заслужил народное признание, выкрикивают «Да кто он такой?», когда имя поэта намеренно не упоминается в «литературных кругах» - в конечном итоге память о нем уходит, как вода в сухой песок...

А ведь такое бывало уже не раз. Что это? Всего лишь зависть к чужому таланту?

«Тут дело не только в зависти. Дело в том, что Игорь - ПЛАНКА! Игорь – УРОВЕНЬ сознания, мышления, творчества, слова, в конце концов! Они ведь как думают - если сейчас позволить расставить маяки: Царёв, Анищенко, Гаврилин, то тогда и требования к творчеству, как таковому, возрастут. Ведь эти имена-маяки - тот заданный уровень, ниже которого опускаться нельзя.

Это что значит? Это значит - что все эти писательские союзы оказываются не у дел с их более чем скромными писательскими возможностями. Это значит – не за что им будет получать даровые звания, льготы и премии. Это значит, что, по сути, они никто в литературе...»

Владимир Сачков - Ирине Царёвой (с ее разрешения из «Обратной связи» на почте «Пятой стихии»)

И снова вспоминается молитва: *«...бури жизни миновали, страдания земные окончены, бессильны враги с их злобою, но сильна любовь, избавляющая от вечного мрака и спасающая всех...».*

Это о Божьей любви. Но ведь есть еще и любовь человеческая к ушедшему из жизни и к тому наследию, которое он оставил. Сбереечь память о нем и сохранить для будущих поколений его творчество – это ли не наш долг?

А потому совсем не возбраняется «восклицать», «восхищаться» и «не опасаться высокопарных слов» в адрес тех, кому мы не успели сказать при жизни все, что они заслужили. Более того – это наш святой долг.

Сохранение наследия Поэта (основные вехи)

- В первые же дни после ухода Поэта на Фэйсбуке и ВКонтакте созданы «Группы памяти Игоря Царёва».
- 17 апреля 2013 года передача «Вечерние стихи» при газете «Вечерняя Москва» провели Вечер памяти Игоря Царёва.
- Вечера памяти прошли на многих литературных площадках.
- С мая по ноябрь 2013 года на Литературном сайте «Клубочек» проведен Первый поэтический конкурс имени Игоря Царёва, в дальнейшем переименованный в ежегодный Поэтический турнир имени Игоря Царёва «ПТИЦА».
- 31 мая 2013 года на Вечере памяти, организованном «Избой-Читальней», Заслуженный работник культуры поэт Игорь Витюк внес предложение об утверждении Международной литературной премии имени Игоря Царёва.
- 11 октября 2013 года открыт сайт «Игорь Царёв. Пятая стихия», ставший площадкой для проведения конкурсов Премии имени Игоря Царёва. Одновременно на сайте были аккумулированы материалы, связанные с жизнью и творчеством Поэта, а на форум читатели стали выносить музыкальные произведения на стихи Игоря Царёва, посвященные ему стихи и переводы его произведений на другие языки.
- 11 ноября 2013 года была учреждена ежегодная Международная литературная премия имени Игоря Царёва. В состав учредителей вошли жена и отец поэта, видные деятели культуры, а также международные и российские литературные объединения, журналы и альманахи.
- С 21 декабря 2013 года в рамках Премии проводится ежегодный Международный конкурс имени Игоря Царёва, в номинации «Поэзия» которого принимают участие авторы из разных уголков России, Ближнего и Дальнего зарубежья.
- На сайте «Пятая стихия» публикуются правила, условия, ход конкурса и результаты по каждому конкурсному сезону.
- В 2014 году в Москве в серии «Лауреаты национальной литературной премии «Поэт года» издана книга «Любя и веря вопреки», куда вошли более 400 стихотворений Игоря Царёва, а также поэтические отклики читателей на смерть Поэта.
- В годовщину смерти Игоря Царёва 4 апреля 2014 года на Ховринском кладбище у храма Богоявления Господня на могиле Поэта открыт его бронзовый памятник – бескорыстный дар скульптора Игоря Лукшта.
- В 2014 вышла в свет книга «Ангел из Чертаново», написанная женой поэта — писателем Ириной Царёвой.

- 15 ноября 2014 года в актовом зале библиотеки имени Лермонтова в Москве прошла Торжественная церемония вручения наград лауреатам Международной литературной премии имени Игоря Царёва. В числе лауреатов – как россияне, так и граждане Ближнего и Дальнего зарубежья.
- 4 апреля (2-я годовщина скорбной даты) в ЦДЛ был организован Вечер памяти Игоря Царёва.
- в городе Хабаровске (на Малой родине Поэта) с 2014 года по настоящее время проводятся встречи, посвященные памяти Игоря Царёва. Его стихи читают и учат наизусть в детской литературной студии "Пегасик", в школах и гимназиях города, обсуждают на занятиях литературно-музыкального клуба "Музы при свечах", на встречах литературной площадки "Амур и Я", в Научной библиотеке, в Детской городской библиотеке им. Гайдара, в Доме Ветеранов, в Краевой Научной библиотеке, в Академии Госслужбы, Университете Путей сообщения.
- 14 февраля 2014 года на ТВ «Россия-24» состоялась передача «Судьба Игоря Царёва. Вести-Хабаровск».
- 27 февраля 2015 года на радио «Восток России» в «Актуальном интервью» состоялся разговор ведущей Марины Семченко с кандидатом филологических наук доцентом Еленой Крадожен-Мазуровой о творчестве Игоря Царёва.
- В марте 2015 года в городе Хабаровске организовано межвузовское литературное объединение - ЛИТО им. Игоря Царёва.
- В ноябре 2015 года прошли Первые Царёвские чтения в ВУЗах Хабаровска.
- В Сборниках научных трудов по материалам научных и студенческих

конференций Дальнего Востока печатаются литературоведческие работы педагогов и студентов по творчеству Поэта.

- 2015 году (июнь - ноябрь), объявленном Годом литературы, в Приморье, прошел Краевой литературный конкурс имени Игоря Царёва под патронажем Департамента Культуры Приморского края.

- 27 ноября 2015 года утверждены Хабаровские Царёвские чтения «Царёв. Хабаровск. Россия» - главный проект плана мероприятий Года литературы. Основная тема – дальневосточная литература в контексте культуры региона. Первые Чтения проведены в январе 2016 года.

- В декабре 2015 года в рамках Года литературы в Удмуртии прошли Царёвские чтения.

- 30 января 2016 года в Спасске-Дальнем Приморского края в историческом зале Спасского краеведческого музея прошел поэтический вечер, посвященный творчеству Игоря Царёва.

- 14 ноября 2015 года в Москве в библиотеке Лермонтова, ставшей партнером Международной литературной премии имени Игоря Царёва, прошла Торжественная церемония вручения наград второго сезона Премии. В церемонии участвовали гости из Ближнего и Дальнего зарубежья. Одновременно прошла презентация изданного «Избой-Читальней» сборника со стихами лауреатов Премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия-2014» и музыкального диска «Песни на стихи Игоря Царёва. Победители конкурса «Пятая стихия» в номинации «Музыкальные произведения» Международной литературной премии имени Игоря Царёва 2014 и 2015 г.г.»

- В журналах, альманахах и на литературных порталах России и других стран регулярно печатаются подборки стихов Игоря Царёва. Литературные объединения разных регионов РФ и за границей проводят Литературные вечера его памяти и Царёвские чтения.

- В Лос-Анджелесе Музыкально-литературный салон «Дом Берлиных» в 2014 году познакомил русскоязычных граждан Америки с творчеством Игоря Царёва.

- В 2014 году в Ганновере (столица Нижней Саксонии, Германия) прошел Открытый Чемпионат Ганновера по Русской Словесности, посвященный памяти Хилины Кайзер и Игоря Царёва.

- В 2015 году профессор Анатолий Ливри провел курс семинаров со студентами и аспирантами Университета в Ницце по творчеству Игоря Царёва.

- 11 января 2016 года стартовал третий сезон Международной литературной премии имени Игоря Царёва.

- 16 февраля 2016 года Городская Дума города Хабаровска приняла решение об установке Мемориальной доски Игорю Царёву на фасаде школы, в которой он учился. Инициатором выступил коллектив школы, поддержанный общественными организациями Хабаровска и Москвы.

- 2 апреля 2016 года в библиотеке имени Лермонтова состоится Вечер памяти Игоря Царёва. К этому событию подготовлена презентация специального выпуска журнала «Изда-Читальня», полностью посвященного Поэту.

- 4 апреля 2016 года в Хабаровске состоится торжественное открытие Мемориальной доски Игорю Царёву – дар памяти хабаровчан своему земляку.

А тем, кто считает, что скромному и никогда не стремившемуся быть на виду Поэту все это совсем не нужно, пусть Поэт ответит сам:

Игорь Царёв – рецензия на статью Любови Сушко «Памяти Михаила Анищенко»: «...*Это действительно Поэт. Ему был дан Дар. Дар - это нелегкая доля. Он как раскаленный уголь на ладони. Да, гонит прочь тьму, но и обжигает, и приносит нестерпимую иногда боль. И так печально устроен этот мир, что судьба Поэта, как правило, только и начинается после смерти носителя Дара. И потому именно сейчас так важно каждое слово об Анищенко. Чтобы не дать тьме забвения завалить, затоптать тот свет, который вложил Михаил в свои строки. И.Ц. 09.12.2012.*»

Не прошло и полугодя, и эти слова стали актуальны для самого Игоря Царёва.

Будем же помнить поэтов! Будем говорить о них, писать о них, ставить им памятники! И, конечно же, читать их стихи...

Наталья Колесникова, поэт, Админ сайта «Игорь Царёв. Пятая стихия», член оргкомитета Международной литературной премии им. Игоря Царёва

Журнал «Смена»

Начало литературному досье Игоря Царёва положило письмо, полученное его другом студенческих лет Андреем Тихомировым от литературного консультанта журнала «Смена».

Это был 1979 год. Игорь писал стихи, друзьям нравилось. Они сочиняли на них песни, передавали из рук в руки копии его текстов, берегли их, искренне предполагая, что в будущем Игорь станет Великим Поэтом.

Будущее хотелось приблизить, и Андрей Тихомиров тайне от Игоря от-правил подборку его стихов в журнал «Смена». И получил ответ (дословно, добуквенно и с сохранением знаков препинания):

«Уважаемый товарищ Тихомиров! Надобно, конечно, сообщать о том, чьи стихи Вы посылаете или же о том, каков Ваш псевдоним – потому что, со-гласитесь, нам совершенно неясно, кто такой Игорь Могила?»

О стихах. К сожалению, вынуждены огорчить Вас – они не сложились, в них нет точности, чёткости, ритма, образов, то есть того, что составляет поэзию. Вам /или Игорю Могиле?!/ надобно ещё многому учиться в стихосложении и упорно работать над стихами.

Но это, право, я не знаю, кому гово-рю, а я привыкла знакомиться со свои-ми корреспондентами и хотя бы заочно знать и представлять человека. Это за-кон общения. Особенно творческого.

С пожеланиями успеха

Литконсультант журнала «Смена»
К. Васильева. Подпись. 29.09.1979

О книге стихов

«Море камни не считает»

Лев Котюков,
поэт, главный редактор журнала
«Поэзия», председатель правления
МОО СПР (2002 год)

В НАШЕМ ПОЛКУ ПРИБЫЛО

Многие сегодня рассуждают о поэзии, и мало кто действительно понимает, что это такое. Который уже год преемственность поколений в отечественной поэзии – жалкая иллюзия. А искусственная очередь на российский Парнас скучна и неподвижна, как очередь в тесной районной бане в предпраздничный день. Поверьте, я знаю, о чем говорю. Ведь «кресло» главного редактора журнала «Поэзия» и должность

председателя правления Московской областной организации Союза писателей России – это не просто почетное «место под солнцем» Это стратегическая обзорная точка, откуда хорошо видна нынешняя ситуация в российской словесности. А она, увы, безрадостна.

Мышление через чувство вымирает. Высокие поэтические образы не усваиваются одномерным рыночным сознанием общества.

Впрочем, поэзия и должна быть убыточной. Поэзия всегда была уделом избранных, а не призванных. И не стоит отчаиваться, что истинную поэзию понимают не многие. Если ее будут понимать все, то это будет уже не поэзия, а нечто общеупотребительное, как ежедневная коммерческая газета.

Трагедия заключается в другом – когда у поэтов не выходят книги, когда стихи, озаренные искрой Божьей, не могут дойти даже до тех немногих, кто ждет и ищет их среди макулатурных развалов.

Поэтому, представляя сегодня книгу стихотворений Игоря Царёва, я готов назвать это маленькой (по тиражу), но все же победой настоящей литературы и поздравить читателей с рождением еще одного Поэта.

Интервью Игоря Царёва литературному сайту «Клубочек»

(подготовлено Екатериной
Шталь 14.03.2010)

*Ваше творчество - образец единства
изысканной формы с глубиной содер-
жанием и в то же время - легкости и*

*виртуозной иг-
ры со словом.
Как Вы шли к
этим верши-
нам мастер-
ства? Пожа-
луйста, рас-
скажите чи-
тателям не-
много о своей
творческой би-*

ографии.

– По поводу «вершин мастерства». Открою страшный секрет – никаких таких сиятельных «вершин» в природе не существует. Поднявшись на уровень, который раньше представлялся вершиной, сразу же обнаруживаешь, что находишься у подножия еще большей горы. Так что любой трезво оценивающий себя поэт (вне зависимости от его опыта) практически всегда пребывает в состоянии улитки, ползущей «по склону Фудзи». Я ползаю по этому склону не первый год, и за этот период сформулировал для себя некие принципы, ко-

торыми и руководствуюсь. Могу ими поделиться:

1. Если ты ищешь славы, денег или удовлетворения творческих амбиций, то займись чем-нибудь другим. Территория Поэзии – последнее место, где все это стоит искать.

2. Если же ты неизлечимо болен словом и готов творить бескорыстно и в безвестности, то для начала – не стоит бояться своего дилетантизма. Ведь первую азбуку придумали еще неграмотные люди, и даже большие поэты начинали с первых неумелых виршей.

3. В Поэзии нет четких ориентиров, что хорошо и что плохо, потому будь готов к роли «ежика в тумане». Здесь верным компасом тебе послужит только ощущение преодоления: «вверх» двигаться всегда труднее, чем «вниз». И если сегодня тебе удалось то, что не получалось вчера, значит ты на правильном пути.

4. Если в своих прошлогодних стихах ты не видишь ни одного недостатка – значит, за это время ты не сделал ни одного шага вверх.

5. Время от времени любого пишущего одолевает «немота». Состояние мучительное. Многие объясняют это отсутствием вдохновения. Но, по моему, истинная причина в том, что по мере накопления опыта растет и требовательность к себе. И когда она начинает обгонять мастерство, все то, что раньше представлялось творческими победами, начинает казаться неуклюжим ученичеством. Выход только один – продолжать работать, оттачивая перо. И муза непременно вернется.

По поводу творческой биографии. Когда хотелось о чем-то сказать – я говорил. Сначала хуже, потом лучше. Верю, что движение мое, как поэта, направлено вверх, а не вниз, поскольку постоянно хочется переписать то, что когда-то казалось «шедевром». В общем, биография такая же, как у всех поэтов. Надеюсь, что вы не ждете от меня раздутых щек и перечисления побед и наград...

«Что одному поэзия - то другому яд,» - эти слова Оскара Уайльда открывают Вашу страницу на сайте "Стихи.ру". Случаен ли был выбор эпиграфа? Что значит для Вас творчество этого классика английской литературы? Поведайте нам о своих литературных вкусах.

– Оскар Уайльд, Ежи Лец, другие люди, способные выразить свою мысль предельно сжато, в афористичной форме, всегда у меня в почете. Я вообще считаю, что афоризм – это одна из высших форм поэзии, способной хранить максимум информации в минимальном наборе символов...

Да и вообще в литературе я люблю не столько форму (она может быть любой), сколько содержание, выверенную логику микрокосма текста. Бессмыслица, пусть даже красивая, меня не трогает. Якобы глубокое содержание такого творения высосано из пальца (или, если угодно, рождено в головах) не автора, а самих рассуждающих об этом творении. По сути, это такое хитрое зеркало для «мудрецов». Каждый видит в нем только отражение своих домыслов. Увы, сейчас в поэзии входят в моду такие зеркала - набор бессмысленных красотостей, являющихся (если называть вещи своими именами) банальным словоблудием. И находятся почитатели (и немало!), которые видят в таких творениях бездну потаенного смысла, о котором автор даже не подозревал.

Всегда ли Ваши стихи "документальны" - или порою лирический герой происходит отнюдь не из личности автора? Например, "Дефиле по зоопарку" (или я не угадала?:)

— Как журналюга со стажем, многократно объездивший страну (и вдоль, и поперек, и по диагонали), я немало повидал, и мои стихи в определенной степени — отражение увиденного. Хотя большей частью они, как Вы изволили выразиться, «документальны» — в них моя жизнь, мои мысли, моя любовь.

Но задача поэзии состоит не только в том, чтобы отражать действительность, но и в том, чтобы создавать новые вероятностные миры. Поэтому не ищите во всех моих текстах одной лишь «исторической правды»... Ну, а герой моего «Дефиле» мало похож на меня реального — хотя бы потому, что много лучше владеет иностранными языками :):)

Вы - лауреат многих поэтических конкурсов, в том числе международных. Сейчас часто участвуете в литературных конкурсах в качестве члена жюри. Что Вы можете сказать о последних тенденциях в поэзии?

— Сейчас удивительное время. С одной стороны русский язык и культура испытывают сильную деформацию под воздействием западной цивилизации. С другой стороны — идет встречная волна сопротивления засилью западных ценностей. В поэзии на смену уходящей старой гвардии пришла целая армия молодых поэтов. Среди них много таких, которые непременно вошли бы в золотой фонд литературы, родись они веком раньше. Но если классиков читали миллионы, то стихи новых поэтов читают уже только тысячи. Вот и получается, что культурный пласт, в общем и целом, стал тоньше, и поэзия становится все более культурным, обособленным искусством...

Интервью Игоря Царёва международному литературно-художественному журналу «Лит-э-Лит» (№1 '2010)

*(подготовлено редактором
Валентином Алексеевым)*

Иосиф Бродский на вручении Нобелевской премии сказал: «Если бы вы были поэтом, что отличает вас от прочих представителей царства, является речь, то литература, и, в частности, поэзия, будучи высшей формой словесности, представляет собой, грубо говоря, нашу видовую цель».

И первый вопрос вот в чём — если верить различным исследованиям книжного рынка, к нашим героям резко и неуклонно падает интерес читателя и издателя. Наверное, с небольшой натяжкой можно уже даже спросить — кто виноват? Читатель, отворачивающийся от поэзии, или же поэт, отворачивающийся от...?

И насколько правомерно, с Вашей точки зрения, вообще ставить вопрос в такой формулировке? Быть может, здесь действуют какие-то другие факторы?..

— Дело не в читателях. И не в издателях. Падение интереса к поэзии — это следствие. Причины лежат много глубже. Мы успешно шагаем по дороге, которую именуем прогрессом. Вот, к примеру, в кулинарии: когда-то люди ели сырое мясо, потом научились его жарить, потом изощрились в приготовлении деликатесов, а сегодня вершиной общепита стали соевые хот-доги, поршковое картофельное пюре и лапша «Доширак» быстрого приготовления...

Похожие перемены происходят и в сфере культуры. Ещё сто лет назад «слово» было основным ингредиентом при изготовлении духовной пищи. Сегодня, когда тараторский «телеящик» есть практически в каждой семье, всё большую роль стала играть картинка. Искусство создавать новые миры с помощью слова, как и умение видеть за словом эти миры, деградирует и отмирает. За ненадобностью. Так с появлением электронных калькуляторов умерло искусство счёта на логарифмической линейке. Что тут подделаешь — прогресс! Телекартинка, как и лапша быстрого приготовления, действительно облегчает людям жизнь.

Но всё это вовсе не означает, что Поэзия со временем исчезнет. Поэзия

бессмертна. Сам Создатель, на мой взгляд, — поэт. Смена времён года и другие временные циклы — что это, как не рифмы на языке Вечности? Так что поэзия, независимо от конъюнктуры, всегда будет с людьми. Исключая тех, конечно, кто предпочитает «лапшу быстрого приготовления».

Тем не менее, текст, как явление культуры, изначально предназначен для его восприятия читателем. Сейчас многие поэты (да и прозаики тоже) хором сетуют, что всё труднее становится донести этот пресловутый артефакт до адресата. Как справиться с этими обстоятельствами — отсутствием спонсоров, читательского интереса, неблагоприятной конъюнктурой рынка...?

— Разве поиски спонсора — это проблема? Было бы что спонсировать! Тем более что донести свои тексты до массового читателя можно совершенно бесплатно — достаточно пару раз нажать кнопку на компьютере — и, пожалуйста, ты уже опубликован. Причём текст, попавший в Интернет, переживёт любое бумажное издание...

Медленная, но неуклонная деградация языка — вот это действительно проблема. Наш «великий и могучий» сегодня болен «дистрофией».

Простой пример: в словаре В. Даля понятие «снег» варьируется как рянда, лепень, дряба, ляпа, чичер, чидега, заметь, волокуша, сипуха, чир, кидь, падь... Это не просто синонимы — за каждым названием кроется какая-либо подмеченная народом природная особенность. Но мы, население одной из самых северных стран, проигнорировав накопленное нашими предками знание, оставили для использования только одно слово «снег», уподобившись тем народам, которые его практически не видели. Таким примерам несть числа.

И в то же время наблюдается обратный процесс, словно не только мы владеем языком, но и он нами. Он защищается, почти как живое существо. Чем иначе объяснить то, что сегодня появилось столько людей, пишущих стихи? Что их влечёт на стезю, где сегодня меньше всего шансов отыскать славу и деньги?..

Хорошо, но давайте вспомним пушкинские, кстати, строки: «Поэт! Не дорожи любовью народной». Зачем, спрашивается, мучиться всеми этими вопросами, если вот оно — решение всех проблем: пиши для себя, для мира своего творчества!

Как Вы сами определяете для себя задачу? И каким читателем Вы хотите быть прочитанным?

— Любым, которому я интересен. Если честно, когда я пишу, то вообще не думаю о будущем читателе. Мною давно уже движет почти физиологическая потребность в самом процессе

творчества, а не ожидание аплодисментов. Если долго не пишу, то элементарно заблеваю, словно вовремя не выплеснувшийся на бумагу стих начинает жечь меня изнутри. Как и все поражённые вирусом поэзии, я даже на необитаемом острове продолжал бы писать стихи. Но когда всё уже написано, реакция на мои стихи, безусловно, начинается меня интересовать (*улыбается*).

Кстати, как обстоит дело с Вашим сборником? Когда читатель сможет взять его в руки?

– Жена, по совместительству муза и критик, меня постоянно подстёгивает. Благодаря её усилиям сборник практически готов. Впрочем, тут ситуация как с пресловутым полупустым стаканом. Всё зависит от степени оптимизма. Порой мне кажется, что он практически НЕ готов (*смеётся*). Читаю стихи, начинаю править, они становятся ещё хуже, снова правлю. Это как ремонт: его нельзя закончить, можно только прекратить... Одним словом, работаю.

Ещё раз задействуем тему Интернета и компьютерных мультимедийных технологий. Не находимся ли мы на пути от книги к некоему синкретическому продукту творчества? И как Вы относитесь к этому синтезу?

– Если в результате синтеза получается нечто большее, чем просто арифметическая сумма, то положительно.

Синкретическое искусство, если обратиться к истории культуры, было, с одной стороны, доступно для непосвящённых, а с другой стороны – уделом избранных.

Возвращаясь к вопросу о потребностях читателя, в чём сейчас, на Ваш взгляд, основная тенденция – в превращении поэзии в камерное искусство, в своеобразную «филологическую игру» или же в превращении её в набор открытых и понятных для любого читателя текстов?

Как бы Вы сформулировали своё авторское кредо в условиях такой постановки вопроса?

– На каждого пишущего всегда найдётся свой читатель, критик или поклонник. У каждого свой вкус и свой путь. Я, например, когда-то понял, что мне больше нравится не сочинять, а говорить о том, что действительно видел или чувствую. Поэтому мне близка формула, высказанная когда-то Констатином Батюшковым: «Живи, как пишешь, и пиши, как живёшь». Чем не кредо?!

А что такое поэзия? Как бы Вы определили то, что, выражаясь по старинному, выходит из-под Вашего

пера?

– Поэзия, как и любое творчество, даёт ощущение абсолютной свободы, когда всё зависит только от тебя самого. Ещё – это попытка создать что-то более долговечное, чем ты сам. Строчки Пушкина «буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя», высказанные прозой, превратились бы в скучную метеосводку, срок жизни которой – день от силы.

Так что настоящая поэзия, в моём понимании, – это ощущение свободы с привкусом вечности.

Вернёмся к поэзии, её определению... Наверное, я не ошибусь, если предположу, что почти все копы в разговорах о поэзии ломаются вокруг дихотомии – поэзия или нет? Хорошая или плохая?

В этой связи позволю себе вспомнить интервью поэта Олега Чухонцева в 1995 году для журнала «Арион», в котором он говорил, что проблема, как отличить хорошую поэзию от плохой, – для него надуманная. Есть истинная или профанная, то есть выстрадавшая; идущая от души или пустая игра ума – и вот здесь ему интересно различие.

Можно вспомнить ещё и легенду про Александра Твардовского, в бытность его главным редактором журнала «Новый мир»: дескать, когда он отбирал поэзию для публикации в очередном номере, то раскладывал стихи в две стопочки: «задеёт – не задеёт».

А как бы Вы обозначили для себя, какая поэзия будет настоящей? Что Вы ждёте от новых стихов?

– Откровения. Как от своих, так и от чужих. Откровения, которое «задеёт».

И ещё: я бы не стал так категорически раскладывать по разные стороны баррикад поэзию, идущую от души, и поэзию – игру ума. Всё это вполне может быть в одном флаконе. Впрочем, если наличествуют и душа, и ум (*улыбается*)...

Откровенно признаться, вопросов я готов задать ещё множество. Но задам всё-таки последний вопрос, иначе мы с Вами никогда не закончим (улыбаюсь).

Что Вы пожелаете всем нам – себе, авторам и читателям журнала?

– Сегодня в мире насчитывается около 7.000 языков (по разным оценкам – от 5 до 10 тысяч). При этом примерно каждую неделю один из них умирает. Лингвисты прогнозируют, что через 25 лет от ныне существующих «живых» языков останется лишь одна десятая часть...

Тревожная статистика.

Поэтому хочу пожелать, чтобы наши дети, внуки и праправнуки любили русскую поэзию, говорили, писали и читали на великом русском языке.

Личное мнение Валентина Алексеева

Игорь Вадимович – поэт очень разный. И писал очень по-разному, разными стилями, в рамках разных поэтических направлений. Мы с ним нередко об этом разговаривали. Конечно, не все стили, эстетические системы им опробованы, это естественно. Но пробовал он многие.

Попытаюсь набросать мои представления о поэзии Игоря. И все равно – это будет далеко не одно слово. Так вот, стихи Игоря, на мой взгляд, отличаются удивительной гармонией эстетики формы и реализма содержания. Притом, что тематика стихотворений весьма глубока и, в традициях русской классики, всегда говорит о высоких и прекрасных проявлениях человеческого духа. Это если коротко и как в учебнике. Если расшифровывать, то:

Блок – он эстет в форме. Но в содержании – романтик и мистик, близок к нему, например, Бальмонт.

Гумилев – эстет, романтик открытый, офицер – то есть носитель и символов, и кодексов.

Северянин – эстет и денди что в содержании, что в форме.

Маяковский – грубый реалист в кирзачах, что в форме, что в содержании.

Брюсов – однозначно философ и довольно холоден к форме и в форме.

Есенин – эстетствующий, а потом – декадентствующий народник.

Ну и так далее – Ахматова, Цветаева, Бродский и все-все-все...

А Царёв – совсем другой. Я бы сказал, что есть, наверное, что-то родственное между его стихами и стихами Иннокентия Анненского:

– Мудрая философия жизни вместе с изысканной формой.

– Цветок для внимательного и умеющего радоваться путника на обочине дороги жизни.

– Апология жизни во всех ее проявлениях – и радостных, и печальных, мудрое ее принятие...

Нет, дальше я уже пойду в своих заметках о стихах Игоря Вадимовича. Как-то так... Как Игорь этого добивался? Вот это, конечно, талант. И большая работа над словом.

«Вечерние стихи» Дебаты в эфире 09. 2012.

(эти дебаты стали широко известны, и в дальнейшем в сети им дали название «Артиллерия бьет по своим»)

Литературный критик Евгения Коробкова - поэту Игорю Царёву о стихотворении "Бродяга и Бродский"

– В Ваших стихотворениях ощущается некая пустота...

– Вы подверстываете смысл под Ваши прекрасные рифмы...

– А зачем стих-то писать? Чтоб показать, как Вы прекрасно владеете

рифмой?..

– А о чём эта песня?..

– "Бог послал за день только хвостик ливерной" — простите, это "Собачье сердце" про Шарикова...

– Вас не попрашайка этот интересует, а только Вы сами...

– Этим четверостишием Вы себя приравниваете к этому попрашайке...

– И поэтому полёта у стихотворения не получилось...

– Финал получился у Вас надуманный...

А могло бы быть великолепное стихотворение...

Ведущий – Коробковой:

А Вас что больше всего интересует, когда Вы все это говорите?

Коробкова – Ведущему:

Хороший вопрос... Когда видишь стихотворение, которое тебе нравится и которое близко к совершенству, очень хочется запустить ручки туда, или ключик, и доделать. А когда стихотворение плохое, о них и говорить не хочется...

Ну... да... понятно, что о себе говорю, о себе, о себе...

Поэт Игорь Царёв – ответ литературному критику Евгению Коробковой

Ситуация в поэзии мне видится вот таким образом: регулярная армия отступила, оставила культурные высоты. На этих культурных высотах остались партизаны... Интернет – как телевизор, который позволяет видеть в темноте... Включаешь и видишь, на этой высоте кто-то строчит – Ивантер-пулемётчик прекрасными строчками, которые святы в темноте. Там – Лешек строчит... И радуешься – наши ещё не полностью отступили. И вдруг подходит критик и начинает говорить Ивантеру: «Не так ты стреляешь и пулемёт у тебя не той системы...» Нет бы сказать: «Молодцы ребята, воюете с этой тьмой!»...

Через полгода в некрологе Игорю Царёву Евгения Коробкова писала:

«Культура и искусство» статья Евгении Коробковой

ПАМЯТИ ИГОРЯ ЦАРЁВА
(*приводится только та часть статьи, которая имеет отношение к творчеству Царёва*)

Летом прошлого года перед очередным эфиром «Вечерних стихов» появился Игорь Царёв. Высокий, худощавый, седой человек, в очках, с застенчивой улыбкой. Немножко похожий на Стива Джобса.

Но все равно не на царя. Увидев его, я подумала, как не подходит Царёву его высокопоставленный псевдоним.

Сайт на передаче распырило. Появление Царёва в эфире вызвало шквал восхищенных меседжей «ЦАРЬ!!!» и предложений прочитать стихотворение «Скрипачка».

И это было необычно и, честно говоря, не очень приятно.

От этого веяло чем-то бронзовым, застывшим и неподходящим к Царёву. В нем не было забронзовелости.

Без пафоса, без претензий, без оглядки на чат, он нес свою лирику с достоинством и читал так, как выпускал птиц.

Его стих, отлично инструментованный, богато украшенный созвучиями и игровыми рифмами, был выполнен в классической манере, так, как, казалось бы, сегодня уже не пишут из боязни невольно повторить все давно сказанное до нас. Но Игорю удавалось свернуть с общей дороги и пойти своей, нехоженой тропой.

*Вида серого, мятого и неброского,
Проходя вагоны походкой шаткою,
Попрошайка шпарит на память
Бродского,
Утирая губы дырявой шапкою.*

Свое почтение к Бродскому, то, что нынешним поэтам принято скрывать и не показывать, Игорь не прятал. В ноябре прошлого года в Москву приезжала биограф Бродского Валентина Полухина. И среди великих людей, друзей великого поэта, был Игорь Царёв. Нет, он не был знаком с Бродским. Когда-то он написал стихотворение о своем кумире. Случайно наткнувшись на эти стихи, Полухина так прониклась, что отыскала Царёва в России и включила его произведение в одну из своих книг, назвав его лучшим стихотворением о Бродском.

Стихотворение заканчивалось строчками:

*Проем окошка узкого, чаёк
из мать-и-мачехи...
Откуда столько русского в еврейском
этом мальчишке?*

*Великого, дурацкого, духовного
и плотского...*

*Откуда столько братского? Откуда
столько Бродского?...*

...на критику он реагировал как-то неожиданно, даже обескураживающе

доброжелательно. Внимательно слушал, иногда соглашаясь, иногда не соглашаясь, и терпеливо объясняя то, что не заметили критики.

Как не вспомнить тут: «Хвалу и клевету приемли равнодушно, не оспаривай глупца...»

По большому счету это естественно. Ведь его стихи не были теми «больными детьми», за которыми нужно ревностно приглядывать и следить, чтобы не обижали.

В новом сезоне передачи Царёв стал членом Художественного совета. Игорь представлял новых авторов, которых сам выбрал для участия в передаче. И здесь раскрылся в ином качестве. Он не занимался ревностным подсчетом недостатков стихов коллег, он не вставлял шпилек, не занимался самоутверждением за чужой счет.

Он просто любил поэзию. Он любил стихи, и, мне кажется, не делил их на свои и чужие. Это видно даже в записи. Часто в день выхода передачи Игорь не мог присутствовать сам. Он постоянно подписывал какие-то номера в «Российской газете»... Но обязательно за день до эфира Игорь появлялся у нас в студии, чтобы записать свои слова о поэте, которого он привел. И даже в записи было видно: говоря о стихах, Игорь излучал свет.

Говорил щедро, хорошо и светло. Подмечая лучшее, выбирая самое ценное. В одной из последних передач Игорь представил поэзию Игоря Лукшта.

И уже не вызывало сомнений, что Игорь действительно Царёв...

Международный литературный журнал «Зарубежные Задворки»

**Владимир
Кетов.
04.04.2013, Гамбург**

ПАМЯТИ ИГОРЯ ЦАРЁВА

Звонок от редактора «Зарубежных Задворок» Евгении Жмурко с сообщением о том, что умер Игорь Царёв, был как удар по голове. Ему было всего 57. Люди редко умирают в таком возрасте. Но поэты – умирают.

Я никогда не был с ним знаком очно. И заочно-то обменялись мы всего несколькими майлами, когда его стихи в 2009-м появились на «Задворках».

Я некоторым образом был к этому причастен. Случайно, читая о Галиче, нашел упоминание о Царёве с рекомендацией – «Прочтите. Не пожалейте». И я не пожалел. Сразу предложил

его стихи Евгении Жмурко. Сам и составил первую подборку.

Уже потом узнал имя автора статьи, порекомендовавшего читать стихи Игоря Царёва – это был Сергей Плышевский из Канады. За эту рекомендацию благодарен ему по сей день. Потому что найти поэта той же крови, что и ты сам – большая редкость и удача. В той необъёмной нашей переписке Игорь подтвердил, что видит это так же.

Стихи Царёва, умные, глубокие и ироничные, точно выстроены технически – с богатыми рифмами, с выдержанным и верно выбранным для каждого стихотворения размером (на это обратите особое внимание; хотя... не заметить этого невозможно).

Не размазанные, без лишних слов и повторений; почти каждое слово, как и положено в настоящих стихах, несёт одновременно три нагрузки – смысловую (продвигающую сюжет или мысль), эмоциональную и техническую (работавшую на ритм или рифму).

Нечастое явление в наше время, когда каждый старается стихами высказать то, что у него на душе (то есть самовыразиться), мало задумываясь о том, что стихи – это совершенно особая литературная форма, не соблюдение которой (слабые рифмы, нарушения ритма из-за глухоты автора к равновесию фразы и размеру, лишние слова для заполнения ритмических пустот, неумение сжато и точно донести мысль или чувство) ведет к разрушению стихотворения как литературного произведения, превращая его в «песню акына».

Царёву всегда было что сказать читателю, и он знал: слово – не самоцель, а всего лишь средство. В умелых руках, правда, – могучее:

*«Мир устроен не так нелепо,
Как нам чудится в дни печали,
Ведь земля — это то же небо,
Только в самом его начале».*

Или:

*«До сих пор не зарубцован след
тернового венца».*

*Выпьём, братцы, за Рубцова
поминального винца...»*

И еще:

*«Закатился в Неву Юпитер,
Воцарился взамен Меркурий.
Обнимая глазами Питер,
Старый хиппи сидит и курит».*

Я, пожалуй, немного назову авторов, которые могли бы, как Царёв, виртуозно и изящно пользоваться сложными составными рифмами – всегда к месту и никогда искусственно; они органично вписывались в ткань его стиха. Вот, пожалуйста: «Дефиле по зоопарку»:

*«Может быть, тому причиной
допинг вин,
Но я понял, раздавая ливер блюд,
Почему на солнце ежится пингвин,
И за что всю жизнь горбатится
верблюд».*

И еще:

*«Душный вечер недопитым черри пах.
Я, сказав официантке «данке шон»,
Слушал мысли в черепах у черепах,
В толстый панцирь спать залезших
нагишом».*

Как всегда с поэтами, признание и награды запаздывали. Но те, кто понимает – его стихи знали и высоко ценили. Наконец – хоть в последние годы – победа в конкурсе «Заблудившийся трамвай» в 2011 году и только что – национальная литературная премия «Поэт года 2012».

К сожалению, это уже никак не изменит случившегося.

Но останутся стихи. Зайдите на его страницу, например, в «стихи.ру», и начните постепенно, со старого. Обязательно прочитайте такие стихотворения, как «В доме у поэта», «Скандинавское», «О природе вещей», «Последний хиппи», «Выпьём, братцы, за Рубцова!», «Кто там – альтер эго», «Я мог бы...». И другие.

Тогда Вы поймете, почему его лучшие стихи будут читать еще многие годы. Если останутся читатели на земле – то будут, потому что настоящей поэзии совсем немного, а дает она тем, кто ее читает – безмерно.

О книге стихов «Любя и веря вопреки...» (текст сокращен)

**Ольга
Воронина,
член Союза писателей
России, заместитель
главного редактора
ИД «Книжное
обозрение»**

ОЧАРОВАННЫЙ МИРОМ

Чем проще и светлее кажутся стихи читающему, тем труднее рассуждать о них: подбирать ключики, эпитеты, подхватывать нить разговора... Все равно что исследовать доброту, тихую по сути своей. «Тихий лирик» – так однажды назвала я Игоря Царёва... Кто сказал, что назвать – значит постигнуть?...

«Поэты разные бывают. Знаете, когда-то была такая детская игрушка – калейдоскоп. В картонной трубке между зеркалами пересыпались цветные стекляшки, складываясь в узоры... Некоторые поэты так же играют словами. Получается бессмысленно, но красиво. Таких авторов сейчас много. Другие поэты – художники. Они словами, как красками, рисуют картины на холсте. Таких поэтов меньше. И уж совсем мало таких, которые вроде и не рисуют вовсе, а бросят пару слов на бумагу и, глядя, из них, как из двух столкнувшихся частиц, образовалась целая Вселенная...»

Для меня понятие «поэт» – это очень высокое звание. Это человек, чьи творения живут дольше своего создателя. Так я сейчас понимаю. А когда-то относился к этому много проще. И первым, кто назвал меня по-этом – был я сам...» (И.Ц. «Verbatim». 2010.)

...Пишу стихи. А у тех, кто пишет, своя дорога.

И не нужны им – ни трон, ни митра, ни «мерин» чалый.

Во все эпохи поэты слушают только Бога,

И ищут Слово, чтоб в этот мир возвратит Начало.

Никогда не знаешь наверняка, серьёз ли «обречённый на творчество» рассуждает о высшем предначертании. А если да – насколько он серьёзен?

*Тихой сапою катится с неба звезда,
И, как слоник на пыльном комоде,
Я неспешно шагаю незнамо куда,
Неказист, неуклюж, старомоден...*

Старомоден? – Это слишком! Классичен – вот подходящее слово. Ничего удивительного: «тихие лирики», согласно давно устоявшимся критическим лекалам, «тяготеют в своём творчестве к тючевско-фетовской традиции» – как некий противовес «эстрадной» поэзии шестидесятых. Причем противовес не только в мелодическом, но и в тематическом, смысловом ключе. В итоге – поэтическое мировоззрение, без лишнего пафоса соотносящее человека и мироздание; личность – со всеми, тёмными и светлыми, закоулками души – выступающая как часть вселенского (и прежде всего среднерусского) пейзажа; неприукрашенные чувства, которым позволено – быть. В этом «тихом омуте» – славные и громкие имена: Николай Рубцов, Алексей Прасолов, Владимир Соколов, Николай Тряпкин, Ярослав Смеляков, Николай Рыленков, Геннадий Русаков, Олег Чухонцев... Многоточие не случайно: список можно продолжать. Здесь, пожалуй, его особенно уместно будет продолжить именами «поющих» поэтов – Булата Окуджавы, Юрия Визбора, даже Владимира Высоцкого (сколько бы странно ни смотрелось рядом с этим именем определение «тихий»). Подытожу словами Игоря Царёва: «тихие лирики» – все те, что были призваны «Хмелея и сжигаая глотку, / Катать во рту, как злую водку, / Слова, что тем и хороши, / Что в них – ни фальши, ни апломба, / Лишь сердца сорванная плomba / С успокоенной души...»

Разумеется, Игорь Царёв не стремился сознательно встроить своё имя в определённое литературное течение. Плоха та сороконожка, которая размышляет, с какой ноги да куда податься! Тематические переклички и посвящения Высоцкому, Окуджаве, тому же «первопроходцу» «тихий лирик» Николаю Рубцову – всего лишь отзвуки стилистического и семантического род-

ства, тропы духовных пересечений. И не менее со-родственны его стихи, связанные с именами Марины Цветаевой, Иосифа Бродского или друзей-поэтов, известных и неизвестных так называемому «широкому кругу»... Не для галочки, не для моды – ведь сегодняшней постмодернистской традиции угодно не только сплошь и рядом отказываться от причинно-следственных связей, но и жертвовать самой мелодикой стиха, – Игорь Царёв писал, как дышал: не жонглируя стихотворными размерами, не пренебрегал ни смыслом, ни музыкой.

А какая богатейшая палитра рифм! Здесь и точные (вроде «радугей / Ладогой»), и абсолютные («выкрашен / выкрошен»), и корневые («бутырские / богатырское»), и сложносоставные («мальчике / мать-и-мачехи»).... А главное, что все эти примеры взяты из одного-единственного (!) стихотворения – «Бродскому»...

...В интервью для журнала «Лит-Э-Лит» (2010, № 1) Игорь Царёв, говоря о поэзии вообще, поднимает ещё одну очень значимую тему: «Искусство создавать новые миры с помощью слова, как и умение видеть за словом эти миры, деградирует и отмирает. За ненадобностью. <...> Телекартинка, как и лапша быстрого приготовления, действительно облегчает людям жизнь. Но всё это вовсе не означает, что поэзия со временем исчезнет. Поэзия бессмертна. Сам Создатель, на мой взгляд, – поэт. Смена времён года и другие временные циклы – что это, как не рифмы на языке Вечности? Так что поэзия, независимо от конъюнктуры, всегда будет с людьми».

Да-да: «Пируя на пластмассовой посуде, о вечном размышлять уже смешно». Но! – Создатель – вот ключевое слово. В поэтическом мире Игоря Царёва именно «Бог кладет слова на язык». Да так естественно, что даже самые не «родниковые души» вряд ли заподозрят тут пафос или фигуру речи. «Богоборчество» и «богоискательство» – давно устоявшиеся «религиозные» векторы литературы всех жанров, но здесь уместнее говорить о – богоприсутствии (и даже без всяких кавычек).

*Дан тебе посох – веру отыщешь сам.
А не сумеешь – боги тут ни при чем.*

...Может быть, просто потому, что «природа вещей такова, / Что Всевышний, даруя влюбленным слова, / Их устами пытается песню сложить, / Ту, которая сможет его пережить», и любовная лирика в этом ракурсе звучит на такой высокой ноте, которую «презренной прозой» вряд ли можно передать. «Глядя любимой в глаза, не считаешь ресницы – / У бесконечности каждая часть бесконечность...»
Вот дом, где каждый гвоздь забит моей рукой,

*Вот три ступеньки в сад
за приоткрытой дверью,
Вот поле и река, и небо над рекой,
Где обитает Бог,
в которого я верю...
Я наливаю чай, ты разрежешь торт,
Нам звезды за окном
моргают близоруко,
Но мы из всех миров
предпочитаем тот,
Где можем ощутить
дыхание друг друга.*

Это отрывок из «Моего мира» – одного из любимейших моих стихотворений Игоря Царёва (как, впрочем, и весь цикл «Обетованная вселенная»). Ведь счастливая, что называется – реализованная любовь – редкая птица в литературе. Оно и понятно: как «тема» страдания куда драматичнее и эффективнее, да и соловьиные трели ищущего, одинокого и непонятого лирического героя для слуха – пронзительнее... А пронзительнее ли?

*...Нашей любви партитура органная,
Превозмогая земное и брэнное,
Счастьем стремится наполнить
Вселенную –
Мир, где витийствуют добрые
мелочи,
Кот что-то млечное
пьет из тарелочки,
Где, припорошенный пылью
космической,
Дремлет на полке божок
керамический,
А на серебряном гвоздике светится
Ковшик созвездия Малой Медведицы...*

За таким счастьем хочется идти и идти... и не надо даже никакой «цепочки золотой»...

Впрочем, только любовной лирикой – пусть и самой пронзительной – не исчерпывается лирика вообще. Ещё одна «грань» стихов Игоря Царёва, которую нельзя не упомянуть, – родина. Особенно – малая родина, земля дальневосточная.

*...Когда в багульниках Хингана
Играет солнечная гамма,
Венчая Ору и Амур,
Я в их названия ныряю,
Как будто судьбы примеряю
Неведомые никому.
Когда на Зее спозаранок
Среди аралий и саранок
Медовый воздух ал и густ,
Так сладко языком ворочать
Полузабытый говорочек,
Созвучья пробуя на вкус...*

Эти созвучья, всплывающие из памяти, «Как рыбы из немых стихий», благословляют на... да-да: стихи – йотированная рифма, самая распространенная из усечённых. Только кому есть дело до инструментария там, где начинается эмпатическая ностальгия? Благодаря какому секрету мастерства «не-

ведомая судьба» автора приходится в пору читателю – и становится зримой?

Конечно, вопрос риторический. И любая попытка ответить разве что возвратит нас к упомянутому уже богоприсутствию: «Я рядовой словарного запаса, / Я часовой родного языка. / Нервной строчкой гладь бумаги вышив, / Пишу, еще не ведая о чем, / Но ощущая, будто кто-то свыше / Заглядывает мне через плечо».

Это же ощущение «присутствия» не покидает, когда ностальгическая романтика заканчивается – и начинается лирика гражданская, где «времечко с прикусом волчьим / Все крепче сжимает кадью». И даже не важно, идёт речь о дне сегодняшнем или дне вчерашнем. О Кольме или о России. Одинаково больно, хоть нет ни в одном из стихотворений гневного крика «Доколе?!», извечного «Кто виноват?» или воинственных призывов. Только печальный рассказ. Только – надежда...

*Компас врал, не краснея,
Север путая с югом.
Тех, что были честнее,
Смяла душная вьюга...*

*На Тоболе край соболий, а не купишь
воротник.
Заболоченное поле, заколоченный
рудник...
Но, гляди-ка, выживают, лиху воли
не дают,
Бабы что-то вышивают, мужики
на что-то пьют...*

*...Там старушки на паперти –
словно крошки на скатерти,
Их смахнуть со стола
для зимы не составят труда.
Дай им, Боже, везения
вновь увидеть весеннее
Воскресение ивовых листьев
на Чистых прудах.*

*...Не печалься, Урал, твоя совесть
чиста,
Как забытые кости в расстрельных
кустах
И мельканье снежных косынок!
Но гляди, как седая старуха-заря
Каждым утром обходит твои лагеря,
Будто ищет пропавшего сына...*

Эмоциональное воздействие этих стихов едва ли можно пересказать. Потому – ещё одна цитата, из стихотворения «Братья»: «А я глядел на них в прострации / И слушал “Ворона”. И плакал...» Такие слёзы в античные времена называли бы катарсисом – сопереживанием и состраданием, очищающим и возвышающим душу.

А если хоть одна душа станет чище, разве не станет чуть лучше – мир?..

Добавлю только, что если бы я составляла список из ста книг, обязательных к прочтению, книга стихов Игоря

Царёва «Любя и веря вопреки» была бы в нём – обязательно.

Актуальные проблемы исторической и современной русистики

(Сборник научных трудов по материалам Шахматовской научной конференции Министерства образования РФ и Дальневосточного государственного гуманитарного университета)

Е.М. Крадожён-Мазурова,
кандидат филологических наук,
доцент

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО СТИЛЯ ИГОРЯ ЦАРЁВА: ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (Текст сокращён)

Этим небольшим исследованием открываем новое для большинства дальневосточных лингвистов творческое явление, новое для исследователей имя – Игорь Царёв.

... Стихи Игоря Царёва – это не рифмованная проза, не литературный «новодел», а именно *русская поэзия*, в которой отразилась глубочайшая культура, мощные затекстовые знания: жизни, литературы, поэзии. Встречи с родителями Игоря Царёва убедили в том, что ощущение «втянутости в эпоху» его поэзии не случайно: будущий писатель много читал и впитывал прочитанное. В его библиотеке Борис Пастернак, Николай Рубцов, Иосиф Бродский, Марина Цветаева, Анна Ахматова, Максимилиан Волошин и многие другие. Путешествия по России с родителями, исхоженный ногами Крым, детство и юность на Дальнем Востоке, а затем учёба в Ленинграде – мистической столице серебряного века, работа в Москве сформировали широту взглядов, свободу суждений поэта.

Творчество Игоря Царёва – это отражённое в хрупкой лирике умение «алгеброй гармонию поверить», и, как результат, – совершенная рифма Игоря Царёва. Именно эта уникальная особенность его поэзии, не похожей на многие небрежные наброски претендентов на литературные премии, не сиюминутность расширили круг ценителей его стихов.

В его стихах всё и все сосуществуют: доктор Живаго, Линда Эвангелиста, Наоми Кэмпбелл, Гуччи, Арmani – и Гварнери, Альфред Шнитке, Николай Рубцов, Иосиф Бродский, Марина Цветаева и легендарные капитаны Николая Гумилёва...

В них много удивительного: знание мировых шедевров и способность самому их создавать, а не только коллек-

ционировать. Чувство ритма – заворачивающее, закручивающее, абсолютное. За Игорем Царёвым надо следовать. Кому-то из современников нужно ещё расти, чтобы прочесть и оценить его стихи...

...Ценители поэзии наслаждаются текстами Игоря Царёва с первой строки, как гурманы – глотком изысканного кофе или дорогого коллекционного вина. Например, великолепной звукописью стихотворения «Ночные каравеллы» (2004 г.) Первая строка построена на аллитерации: «хр – гр – к-р – [ф] - фр-р» (ниже, в первой строке цитируемого текста курсивом отмечены звуки, создающие аллитерационный рисунок звукописи, соответствующей «опасным» звукам, возникающим при покачивании ящика или коробки с упакованной фарфоровой посудой). Уже следующая строка указывает на источник движения – это ход корабля: «Паруса наполнив звездами зюйд-веста, / Сны мои, как *каравеллы* Христофора...». Поэт абсолютно точен и как физик-практик, и как литератор – в тексте нотки фальши:

С хрупким грузом королевского фарфора

Паруса наполнив звездами зюйд-веста,
Сны мои, как *каравеллы* Христофора,
Каждый вечер *уплывают*
в неизвестность.

Второе четверостишие – погружение в детство, аллюзия – отсылка к «Принцу и нищему» Марка Твена, скреплённая добротной троекратной анафорой «кто-то», перерастающей в антитезу: «кто-то...», «...ну а мне» и неожиданным «непоэтическим», но очень точным разговорным глаголом «*хлюпать*»:

Кто-то снится себе принцем,
кто-то нищим,
Кто-то вещим настоятелем собора,
Ну а мне всю ночь по морю
хлюпать днищем
К игуанам и лагунам Бора-Бора.

Третье четверостишие начинается сочным олицетворением: «Млечный путь питают, трескаясь, кокосы». Немедленно возникают затекстовые ассоциативные связи: «в кокосах – кокосовое молоко», «Млечный путь – это млочный путь», так вот в чём дело – его «подпитывают» *кокосовым молоком*. И вновь звукопись: «ша-жа», которая усиливает сравнение в форме сравнительного оборота «С тонкой ниткой бус на талии, как осы»:

Млечный путь питают, трескаясь,
кокосы.

У туземок на уме сплошная шалость -
С тонкой ниткой бус на талии, как осы,
Не ужалят, так возьмут тебя
на жалость.

Финал текста выводит на уровень философских, библейских рассужде-

ний. Ключом к четверостишию является библеизм «Иезекиль» и лексический повтор «*каравеллы*», замыкающий кольцевую, или рамочную композицию стихотворения «Ночные каравеллы». Сильным выразительным действием обладает развёрнутая метафора в форме олицетворения, акцентированного разговорным фразеологизмом «*против шерсти*»: «...сны ... *драят шкуру океана против шерсти*»: Бог не дал мне мудрых грез *Иезекиля*, Не назначил даты будущих пришествий.

Сны мои, как *каравеллы*
с медным килем,
Драят шкуру океана против шерсти.

В стихах Игоря Царёва зашифрован код эпохи – это послание потомкам. Здесь отголоски поэзии Серебряного века, переключки с Цветаевой, Пастернаком, Ахматовой, Гумилёвым (поэт был победителем конкурса «Заблудившийся трамвай» в 2011 году, не случайной наградой стала и «Большая серебряная медаль Николая Гумилёва», которой Игорь Царёв был удостоен.

Чтобы войти в стихи Игоря Царёва, например, в его «На Ордынке», нужно держать в руках ключи, а не отмычки: не только знать, что Ордынка – старинная и славная знаменитыми именами улица Москвы, но и вчитаться в Бориса Пастернака: «...Мело, мело по всей земле, во все пределы. / Свеча горела на столе, свеча горела». А потом с изумлением узнавать эти строки в переломлении словесных витражей эпохи Игоря Царёва:

...В этом доме в Серебряном веке
У знакомых гостил Пастернак.
И свеча меж тарелок *горела*,
И гудела *метель* за окном.
И куда-то в иные пределы
Уносили стихи и вино.

С пастернаковской Ордынки легко попасть на Елоховую и на Цветной бульвар, где Повидлом губы перепачкав
И не смущённая ничуть,
Зеленоглазая скрипачка
Склонила голову к плечу.

В текстах стихов Игоря Царёва слышатся отголоски Булата Окуджавы, встречаются прямые обращения к Николаю Рубцову и Иосифу Бродскому, которых он ощущает братьями по крови и по духу. В тексте стихотворения о Бродском намеренно использован приём введения в текст разговорно-бытовой лексики и фразеологии, что находит своё выражение в использовании слов с суффиксами субъективной оценки (-ик-, -ёк-, -к-: по тросику, часики, чаёк), к которым неожиданно примыкает созвучное «*в классики*». А далее в тексте на уровне звукописи и звукоподражания выстраивается ряд риф-

мующихся между собой слов, возникает внутренняя рифмовка в строках, которая «сшивает текст» - это слова «дурацкого – братского, плотского – Бродского». И, конечно, нельзя не вспомнить А. Ахматову - «Когда б вы знали, из какого сора/ Растут стихи, не ведая стыда...»:

...Но жизнь, скользкая по тросику,
накручивая часики,
Готовила Иосифу одну дорогу –
в классики.

...Проём окошка узкого,
чайк из мать-и-мачехи...
Откуда столько русского
в еврейском этом мальчишке?
Великого, дурацкого,
духовного и плотского...
Откуда столько братского?
Откуда столько Бродского?

И ему, Игорю Царёву, «накручивая часики», может быть, слишком поспешно, жизнь тоже готовила дорогу в классики. Лучше бы – попозже, но с жизнью, как и с судьбой, не поспоришь...

А вопросов к жизни у Игоря с детства было много, не разучился он их задавать и став взрослым. Эти вопросы во многом определяли и его судьбу – судьбу русского поэта, и это не только о Николае Рубцове, а и о себе, о человеке «с обжигающей лампой таланта в груди»:

У матросов нет вопросов. Я, наверно,
не матрос...
Почему мы смотрим косо на того,
кто в небо врос?
Печка в плитке изразцовой затмевает
дымом свет.
Выпьем, братцы, за Рубцова –
настоящий был поэт!
Был бы бездарью – и ладно. Их,
родимых, пруд пруди.
Угораздило ж с талантом жить,
как с лампой в груди –
Жгла она зимой и летом,
так, что Господи спаси!
А без этого поэтов
не случалось на Руси.

География стихов Игоря Царёва – размахом «в десять тысяч верст»: от Дальнего Востока, родного Хабаровска, заповедной тайги, Усури, Амура, Сунгари, скал Сикачи-Аляна – до Москвы.

В стихотворениях И. Царёва – масса подробностей, деталей, придающих особый вкус его текстам. Их смакуешь, в них хочется вчитываться, вглядываться, вслушиваться, замирать, обдумывать, а не пролистывать, прочитывать, просматривать – и спешить в суете дальше. Замрите, остановитесь, взгляните в амулеты – обереги от равнодушия, которые щедро дарит нам поэт:

Скорлупа водяного ореха,
желтоглазый цветок горчачка,
Оторочка оленьего меха

и от старой гранаты чека...
Это лето на краешке света,
где восход и бедов, и медов,
Нанизало свои амулеты
на цепочку звериных следов.

В цитируемом выше тексте использована точная рифма, усиленная типичной для идиостилия Игоря Царёва внутренней рифмой в строке «где восход и бедов, и медов».

Стихи Игоря Царёва вызывают море ассоциаций. Нам, дальневосточникам, понятны, как никому другому в России, первые две строки текста, собранные из одних прилагательных, рифмующихся между собой, отражающих особенность идиостилия Игоря Царёва, делающая его тексты узнаваемыми: «соболиная, бобровая, тигровая, комариная, суровая, кедровая». Эти слова – бусины наших чувств, они вне возраста, вне времени. Но читателя к таким текстам надо готовить. Наслаждение магией слова следует заслужить. Чтобы разгадать, ощутить эту магию, нужно знать предшественников и современников, учителей и соратников Игоря Царёва:

Соболиная, бобровая, тигровая,
Комариная, суровая, кедровая,
Из оленьих жил земля
дальневосточная.
Если кто-то там и жил, так это –
точно я.

Поэт «играет» формой стиха, демонстрируя «фигуры высшего пилотажа», принадлежность к асам школы поэтического мастерства. В приведённом выше четверостишии абсолютная гармония первых двух строк достигается за счёт попарной *вертикальной рифмовки каждого из слов*: «соболиная - комариная»; «бобровая - суровая»; «тигровая - кедровая» при *одновременной горизонтальной внутрисклонной рифме*: «бобровая - тигровая», «суровая - кедровая». Это *индивидуально-авторская примета поэтического текста Игоря Царёва, достойная особого внимания и отдельного изучения, например, в рамках специального курса «Лингвистический анализ поэтического текста: сложные поэтические фигуры»*.

Данью уважения родному городу является очень личное стихотворение – «Окна Хабаровска». Композиция текста задана несколькими позициями: сильной позицией текста – заглавием и абсолютным финалом – строкой «Светят в сердце окна Хабаровска». Слово сочетание «окна Хабаровска» замыкает идеальную кольцевую (рамочную) классическую композицию текста. Однако автор ещё раз укрепляет каркас текста стихотворения, используя для этого вариативный дистантный повтор первой четверостишия в предпоследней строфе: *Я и сам теперь вхож в московский цирк, / Не один свой отпуск провел в Крыму, / Но все чаще снится*

седой Хекцир, / И зовет, скучая по мне, Амур.

Можно говорить с изрядной долей уверенности, что приметам идиостилия Игоря Царёва являются не только внутренняя рифма, но и кольцевая композиция текста; насыщение текстов стихов подробностями, деталями; обращение к значимым личным собственным именам; географическая конкретика, отличавшая стиль великого предшественника И. Царёва - Николая Гумилёва, медалью которого поэт был награждён за литературное творчество («Большая серебряная медаль Николая Гумилёва» 2012 г.). Любовь к родному городу, к Дальнему Востоку неразделима для поэта с чувством к близкому человеку, запечатлённом в трогательном сравнении: «У жены моей чудный цвет волос – / Как амурских кос золотой песок». Интересна для исследования смена ритма в последнем четверостишии текста, вновь возникающая внутренняя рифма, создающая микробраз «река - резка».

*Кто-то рос в Крыму, ел зимой хурму,
Кто-то мог смотреть на столичный цирк,
А меня все детство качал Амур,
И кедровой далью поил Хекцир.*

Я, еще волчком покинув кров,
Обижать себя не давал врагам,
Ведь волной амурской кипела кровь,
И дарила силу свою тайга.

Пусть, с течением лет обретая лоск,
Я не против плыл, но наискосок.
У жены моей чудный цвет волос –
Как амурских кос золотой песок.

Я и сам теперь вхож в московский цирк,
Не один свой отпуск провел в Крыму,
Но все чаще снится седой Хекцир,
И зовет, скучая по мне, Амур.

На кукуане сна – не сазана вес.
Хоть и спит река, но волна резка.
Не расшитый звездами занавес –
Светят в сердце окна Хабаровска.

Память о поэте – его стихи, они должны звучать, потому что в них – ни фальши, ни апломба, Лишь сердца сорванная пломба С неуспокоенной души...

Золотое Перо России оставило Золотой след. Круг читателей, в том числе молодых, - это, быть может, будущие поэты, которые сегодня выбирают между «физикой и лирикой» пока не в пользу последней... Но пример Игоря Царёва поучителен: для стихов не бывает поздно! Как не бывает поздно и для их профессионального осмысления и анализа.

Творчество Игоря Царёва ждёт своих исследователей.

«Вечность Игоря Царёва» - так назвала **Любовь Сушко** (Омск) – филолог, эссеист, прозаик, поэт - свой цикл из 49 эссе, посвященных творчеству Игоря Царёва, Предлагаем вниманию читателя два из них.

ДЕМИУРГИ, ЯЗЫЧНИКИ, ЯЗЫКОТВОРЦЫ

*Есть демиурги языка,
Язычники, языкотворцы -
Восторгом золотых пропорций
Играет каждая строка...
И. Царёв*

Тайна поэта - то послевкусие, которое остается после его стихотворений, та свеча, которая не гаснет, звезда, все еще горящая на небосклоне – это и есть нерукотворный памятник для творца, он остается, когда сам поэт уходит в вечность, он освещает тьму, и пока он светит, мы живем и радуемся жизни.

Жизнь поэта всегда делится на две части, они могут быть и вовсе не равными, но если с уходом простого смертного, чуть раньше или позднее она обрывается, то для поэта жизнь продолжается, а часто она только начинается после ухода в вечность. Пока он ждет нас в уютном домике, беседуя с близкими людьми, мы пытаемся понять то, что было совершено, то, что он попытался сказать нам важного.

В стихотворениях, рецензиях Игорь Царёв говорил о самом главном, он никогда не тратил времени на пустые разговоры – часто был невероятно краток и точен в своих оценках и суждениях.

Именно о вечной жизни творца говорил Игорь Царёв, после внезапного ухода Михаила Анищенко. Как только была написана статья о Михаиле, и посмертно вручена ему премия «Народного поэта» (это случилось одновременно) Игорь Царёв в рецензии на статью Памяти Михаила Анищенко написал:

Любовь, спасибо за теплые слова о Михаиле. Это действительно Поэт.

Ему был дан Дар. Дар - это нелегкая доля. Он как раскаленный уголь на ладони. Да, гонит прочь тьму, но и обжигает, и приносит нестерпимую иногда боль. И, так печально устроен этот мир, что судьба Поэта, как правило, только и начинается после смерти носителя Дара. И потому именно сейчас так важно каждое слово об Анищенко. Чтобы не дать тьме забвения завалить, затоптать тот свет, который вложил Михаил в свои строки. (И.Ц. 09.12.2012)

Кто тогда мог подумать, что все оказалось важно, необходимо не только для Михаила, но и для самого Игоря, покинувшего нас в апреле, когда не прошло и полгода со дня смерти Михаила Анищенко. Они оказались очень близко друг от друга не только на одном сайте, но и в Дальневосточном журнале – на соседних страницах публикация, и на сцене, когда вручались литературные премии. При вручении премии уже ушедшему Михаилу Анищенко, у Игоря Царёва хватило мужества выйти на сцену и прочитать его стихотворения.

А стихотворение Игоря Царёва на вручении премии «Поэт года» читал Марк Розовский, и это было стихотворение о Марине Цветаевой.

*Зачтет ли он свечу в горсти,
Молитву с каплей стеарина?
Мой Бог, ее зовут Марина,
Прости, бессмертную, прости.*

Звучала пронзительная мольба о другом поэте, а кто-то слышал текст романа века, когда Маргарита просит за Фриду. Для меня голос Игоря Царёва сливается с голосом Бориса Пастернака, это он просил о Марине вместе с Анной Ахматовой, вспоминая всех, кого они так рано потеряли в кошмаре той реальности.

Так кто же он такой Поэт, откуда пришел, где живет, что творится в его жизни и душе?

Круг поэтов Игоря Царёва: Александр Блок, Анна Ахматова, Борис Пастернак, Владимир Высоцкий, Николай Гумилев, Марина Цветаева. Стихотворение «Есть демиурги языка» обращено именно к ним. Уверенно и уютно чувствует себя Поэт в этом кругу, и он знает свою высоту и мощь. Иногда Игорь скромно называл себя в рецензиях «не худшим», на самом деле он, конечно, был лучшим среди поэтов конца 20 - начала 21 века, чему есть бесчисленные признания тех профессионалов, кто столкнулся с его творчеством и навсегда остался его поклонником.

Кто-то заметил, что если собрать вместе все искренние восторги разных людей в его адрес, то ясно, что Игорь Царёв был обречен на бессмертие...

Поэтов такого уровня Игорь Царёв называет демиургами. Поэт сразу же уточняет это определение.

ДЕМИУРГ (греч. Demigorgos – мастер, ремесленник), в античной философии (у Платона) персонафицированное непосредственно-творческое начало мироздания, создающее космос из материи сообразно с вечным образцом; впоследствии отождествлялся с логосом, умом (нусом).

Если опираться на это энциклопедическое определение, то составляющая из ремесленника во мне вне сомнения присутствует. А вот с творческим космическим началом – это уже вопрос спорный. Не мне судить. Но хотелось бы верить, что ОНО во мне есть :) (И.Ц. 27.03.2003)

Есть демиурги языка

*Есть демиурги языка,
Язычники, языкотворцы –
Восторгом золотых пропорций
Играет каждая строка...
Кто ниспослал им этот дар?
Кто научил так изъясняться,
Что их слова ночами снятся,
Питая души, как нектар?
Их слог – то строг, то вводит в транс
Тем, как божественно небрежен,
Как между строк туманно брезжит
Высокий смысл иных пространств...
Но кто бы знал, какой ценой
Им достается почерк легкий,
И сколько никотина в легких,
И сколько боли теменной,
Как, прогорая до трухи,
В стакане копятся окурки,
Как засыпают демиурги,
Упав лицом в свои стихи.*

Целые книги написали наши исследователи, чтобы ответить на этот вопрос, и вдруг в небольшом стихотворении, есть то, что нам объясняется в томах исследований о сути и назначении Поэзии...

Демиург - Мастер – это высшее звание для поэта, это тот Демон поэзии, который, по мнению Блока, был первым поэтом, а Демон – это Душа – та энергетика, без которой тело человека или тело стиха мертво. Сколь бы прекрасным оно не было, но его требуется оживить, а силу для оживления Демиург берет у огня свечи, которую Игорь называет «Подругой поэта», атрибутом творчества. Поэзия мертва, если нет живого огня, если свеча погасла.

Уже в первой строфе есть главное правило для демиурга – языкотворцы пишут так, что каждая строфа попадает в золотое сечение пропорций и начинает отражаться в нем, у стихоплетов так не получается.

Гармония в природе свойственна всем ее созданиям, и человеку тоже, только его беда в том и состоит, что чаще всего он уходит от этой гармонии, и демиурги – те немногие, кто о ней помнит всегда.

Кто ниспослал им этот дар? – на этот вопрос мы можем ответить, вспомнив о том, что Лада у славян была не только богиней любви, но еще и богиней гармонии, а потому это небесный дар, благословение самой Богини любви. Увы, за многие века человек чего только не сделал, чтобы отказать от гармонии, но всегда есть те ее хранители, которые пытаются нам напомнить при помощи Слова о том, что утеряно – о гармонии.

Если их строки совершенны, то они ночами снятся, они та дивная молитва, которая и возвращает нас к истокам, делает совсем другими, поэзия – нектар для души (мед – в понимании скандинавов). Потому очень страшно, когда тысячи стихотворцев пытаются нам вручить не мед, а яд, уверенные, что они творят добро...

А в чем же отличие настоящих поэтических строк? «Их слог – то строг, то вводит в транс тем, как божественно небрежен» – именно поэты дарят нам «Высокий смысл иных

пространств»... Конечно, настоящая поэзия – это заговор и заклинания, об этом много писал Александр Блок, она отзывается в душах, и чем больше таких душ, тем сильнее накал поэтической страсти, а это еще и страсть, потому что бесстрастными бывают только графоманы.

И вот мы уже перемещаемся в иные пространства – в рай-ирий-вырий, где и существует та гармония, которой нет и не может быть на земле.

Думаю, никто не сомневается в том, что Игорь Царёв может говорить от имени всех ушедших поэтов, но это еще и его собственный жизненный опыт, о том, как дорого приходится платить за все происходящее:

*Но кто бы знал, какой ценой
Им достается почерк легкий,
И сколько никотина в легких,
И сколько боли теменной...*

В отличие от Пушкинского мифического пророка, с которым происходили страшные метаморфозы, этот демиург вполне земное создание. В нем угадываются черты любимого поэта, но это состояние творчества, когда подругой становится свеча, а сам он ради гармонии переживает муки равные тем, которые испытывал «единственный воскресенный на Голгофе».

«Как засыпают демиурги, упав лицом в свои стихи» – удивительный, жизненный и точнейший финал для классически совершенного стихотворения.

И сразу становится понятно, как тяжок крест поэта, как сжигает его самого это пламя очистительного огня ...

Конечно, на это стихотворение было очень много откликов, иногда эти отклики были в стихах, и особенно ценны строки от близких людей. Вот о чем пишет в ответ Евгений Дерлято, близкий Игорю поэт:

Да, демиург – "творец", "создатель",
Но и – "ремесленник", "гончар" –
Ночной растрепанный мечтатель
И тонкий ткач словесных чар...

Когда бы знать наверняка им
О том, что свыше, что от них –
Но не дано. "Безвестно канем –
Иль это был наш звездный стих?.."

Поэтому в объятья Сети
Бросают тексты вновь и вновь...
Вдруг стих родную душу встретит?..
Эй, Муза! Кофе приготовь!

– вдруг начинают звучать очень современные строки о сети, где сегодня только и остается жить и писать настоящим поэтам.

Прекрасный и "миллиметрово" точный отклик :) Ведь демиург (даже по энциклопедическим определениям) - это и вдохновенный творец, и ремесленник. И без этих двух составляющих невозможно написание стихов. На одном вдохновении - без ремесла и тягостной пахоты, ничто и ни у кого не состоится по-настоящему. Спасибо! (И.Ц., 27.03.2003)

Но если все перешло на личность поэта, то стоит взглянуть на другое стихотворение о поэте и поэзии, где уже в заглавии появляется местоимение «Я» – от демиургов, от поэтов его круга, мы возвращаемся к суровым будням. «Я радовой словарного запаса» – это второй полюс творчества.

Я рядовой словарного запаса

*Стихи бывают как листья осоки –
Не прочитать, не искромсав души.
В них корни слов сквозь строки гонят соки,
Суть отделяя от предлогов лжи.
По тонкой грани между тьмой и светом,*

*Сквозь рифмы, как сквозь рифы корабли,
Проводят нас Верховные Поэты
К божественному краешку земли...
Я не ношу атласные лампасы
И не смотрю на рифмы свысока -
Я рядовой словарного запаса,
Я часовой родного языка.
Неровной строчкой гладь бумаги вышив,
Пишу, еще не ведая о чем,
Но ощущая, будто кто-то свыше
Заглядывает мне через плечо.*

Поразительнейшие строки, где возникает Пастернак с его «Быть знаменитым некрасиво», а Игорь сказал бы скорее «неловко» - это для него точнее, и В.Высоцкий: «Поэты ходят пятками по лезвию ножа, и ранят в кровь свои босые души».

А вот и Игорева строчка из этого же ряда: «*Стихи бывают как листья осоки – не прочитать, не искромсав души*».

Тяжело и больно воспринимать стихотворения такого накала, но возникает вопрос, а могут ли они быть другими, нужна ли нам поэзия, в которой вместо крови клюквенный сок? ...Забегая вперед, могу сказать, что как и воин Высоцкий погиб на передовой поэзии, так и мудрец волхв Игорь Царёв пал в этом сражении, увы, не дописав, может быть самых главных своих строк.

*По тонкой грани между тьмой и светом,
Сквозь рифмы, как сквозь рифы корабли,
Проводят нас Верховные Поэты
К божественному краешку земли...*

Тут уже появляется Николай Гумилев с его «Капитанами», погибший от реальной пули, но в вечности все наши смерти уже ничего не значат, они не оставят в беде тех, кто сегодня должны вести корабли в неведомые страны.

И они снова соберутся там – демиурги, посланные в этот мир, на вечный бой, чтобы он стал хоть немного лучше и гармоничнее

*Я не ношу атласные лампасы
И не смотрю на рифмы свысока*

– это уже и вовсе из Гумилевского мира, но Игорь скромно определяет себя рядовым, хотя сам отмечал, что у него есть офицерское военное звание, а о поэзии и говорить нечего – там оно генеральское, не меньше. Это чувствуется и в строчках: «*Но ощущая, будто кто-то свыше заглядывает мне через плечо!*»

И он верит, что только когда мы ощущаем поддержку второго (без него было невыносимо тяжело даже В.Высоцкому, не говоря об остальных), только в этом случае и рождается та великая и великолепная Поэзия, которая приводит в восторг, потрясает наши души и умы.

А еще хочется напомнить строчки «Недописанного». С этого стихотворения, в исполнении автор, начинается мой день, и для меня лично Игорь Царёв снова и снова читает:

Недописанное

*...Так важно иногда, так нужно,
Подошвы оторвае натужно
От повседневной шелухи,
Недужной ночью с другом лепшим
Под фонарем полуслепшим
Читать мятежные стихи,
Хмелея и сжигая глотку,
Катать во рту, как злую водку,
Слова, что тем и хороши,
Что в них - ни фальши, ни апломба,
Лишь сердца сорванная пломба
С неуспокоенной души...*

ПОКА ПОМНЮ, Я ВЕЧЕН Завещание Мастера

Как бы стремительно не менялась жизнь, остаются в ней вечные ценности. И одна из них – Память о прошлом, о том, что в этом мире было до нас, о том, что каждому из нас довелось пережить. Недаром есть уверенность, что человек умирает дважды, во второй раз, когда о нем забывает самый последний из живущих. Пока мы помним об ушедших, пока нас помнят, мы продолжаем жить, даже покинув мир. Частичка человека остается в его творениях, в его книгах, в его детях – это то самое бессмертие, о котором мы все так переживаем. У каждого из нас есть свое прошлое, свой род, свои предки. Во все времена славянам было страшно оставаться в этом мире Иванами, не помнящими родства, вырванными из земли, оторванными от своих корней, унесенными ветром странствий из мира, в котором нам довелось родиться.

Если такое случается, то память – это единственное, что связывает человека с родным миром, самым прекрасным потому, что там мы появились на свет. Это одна из главных тем, а может самая важная, так часто на протяжении всего творчества Игорь Царёв к ней обращается. В размышлениях о памяти и бессмертии, поэту удалось осветить по-новому хорошо известный миф о хитреце Сизифе, который мы, конечно, знали и до появления лирики Игоря Царёва. Но многие ли задумывались о том, что это миф о безграничной любви к жизни и свободе, пред которой вынуждены на какой-то срок отступить и боги.

Единственное, чего хочет этот герой – жить как можно дольше, презрев все законы и запреты. Недаром же ему удалось пленить бога смерти Танатоса и продолжать наслаждаться жизнью. А когда порядок в мире нарушился, люди перестали умирать, то пришлось богам принять меры для восстановления порядка. По приказу Зевса богу войны Аресу удалось освободить Танатоса и забрать с собой бунтаря Сизифа. Но он смог вырваться из Аида на землю, якобы для того, чтобы заставить живых приносить жертвы Аиду, но снова не собирался возвращаться назад, пока его не вернули насильно и не заставили катить камень в гору. Труд этот был тяжел и бесполезен, тем более что камень катился вниз, как только он достигал вершины, и все приходилось начинать заново. Но Сизиф верил в то, что он выполнит это непосильное задание и тогда вернется к жизни...

Сизиф – хранитель памяти о том, как прекрасна жизнь, он не испил воды забвения из Леты, как все остальные ушедшие в мир иной, не забыл о том, что было с ним на земле, а потому он бессмертен.

Об этом и напоминает нам Игорь в своем стихотворении, переводя Сизифа из второстепенного в ключевые герои древних мифов.

Сизиф

*Растерявшие прошлое тихо плывут,
Легким облаком в небе белея.
Растерявшие прошлое славно живут,
Ни о чем, ни о ком не жалея.*

*Позабывших о прошлом несчетная тьма,
Каждый миг их величие множит.
Они жизнью спокойной довольны весьма -
Их ни боль, ни любовь не тревожит.*

*Не хочу забывать ни о чем, ни о ком,
Мне иначе дышать будет нечем.
Моя память растет, как растет снежный ком,
Тяжкой ношей давит на плечи.*

*Я нарушил Закон и навек обречен,
Олимпийским проклятьем отмечен.
Подпирая тяжелую память плечом,
Знаю я - пока помню, я вечен.*

*Я несу свою память, и плоть мою в кровь
Реут басовыми струнами жилы.
Сколько раз нас с тобой обжигала любовь –
Просто чудо, что мы еще живы...*

*Я проклятья твержу, как молитвы пою.
До вершины чуть-чуть. Вниз не стоит смотреть.
Сам с собой веду битву. И в этом бою
Есть один результат – проигравшему смерть!*

*Пусть я проклят Богами – я страшен Богам
Тем, что вечен и ныне и присно.
Мое время придет – я взойду к облакам,
Не утративший памяти жизни.*

И что же происходит с Сизифом? Он выбирает самый трудный путь, не забывать, не получить в Аиде тот самый пресловутый покой, о котором мечтают остальные. К покою после всех мук земных стремятся и Мастер с Маргаритой. Покой можно получить тем, кто не заслужил счастье, он возможен при забвении всего, что осталось на земле. Подругому думает герой Игоря Царёва: «*Не хочу забывать ни о чем, ни о ком, мне иначе дышать будет нечем.*»

Камень или снежный ком – это память о жизни. Она обрекает Сизифа на адский, бессмысленный труд. Но он не собирается от него отказываться, он прикован к этому камню, как Прометей прикован к скале. Ведь боги знают, если его освободить от камня, если позволить камню остаться на вершине скалы, то Сизиф снова уйдет в мир людей, его снова надо будет разыскивать и возвращать назад. «*Подпирая тяжелую память плечом, знаю я – пока помню, я вечен*» – так все поворачивается в мифе на этот раз.

Человек смертен. Но для тех, кто нарушает закон забвения, остается память. В ней – бессмертие. И сквозь века звучит голос Сизифа, возникая в поэтических строчках Мастера. Как в романе века – обычная квартира, вдруг расширяющаяся до бесконечности, может быть велика настолько, насколько простирается наша память. «*Пусть я проклят Богами - я страшен Богам тем, что вечен и ныне и присно. Мое время придет – я взойду к облакам, не утративший памяти жизни*»

Мастер убеждает нас и в том, что самое прекрасное – это жизнь. Кстати, о том же самом поведал поэту и другой мифический персонаж – Незваная гостыя-Беда, когда пожаловала к нему:

*Куражится судьба, нас сталкивая лбами,
Не бойся, и не верь лукавому вранью,
Держись за эту жизнь последними зубами,
Давай желанный пир испортим воронью!*

Наверное, в свое время она вот так же приходила и к Сизифу, и вместе они не раз могли испортить пир не только воронью, но привести в ярость и самого Зевса, и бога смерти, и бога войны. А для смертного царя это не так уж мало – память о нем сохранилась в мифах! И Мастер в своем стихотворении приравнял его к титанам, показав, что он во многом равен титану Прометею, прикованному к камню.

Безрассудство храбрых – это огонь жизни, который не гаснет в их душах. Он дарит им бессмертие, а нам – память о них.

Следующее стихотворение И. Царёва называется «Забываем». Увы, человеческая память так устроена, что мы не можем помнить всего. Память часто избирательна, в ней, заполненной мелочами, нет места мыслям о том, что за жизнь надо держаться и бороться до конца. Порой мы забываем и свою историю, свое прошлое, близких людей... И это поэт называет предательством, потому что убежден, что люди живы, пока мы их помним, пока живо прошлое...

*День вчерашний забываем в простодушии своем,
Словно брата убиваем или друга предаем.
Что там явор кособокий, что усталая звезда,
На беспамятстве и боги умирают иногда.*

Забуть родных и близких, предать память о них забвению, может ли быть что-то страшнее? Оказывается, может, есть и более страшное предательство – забытые боги наших предков, наши корни, наша связь с прошлым.

Несколько веков на Руси царили двоебожие, когда днем ходили в храм, а ночами исполняли ритуальные действия, связанные с языческими богами. Волхвы были так сильны, что к ним, а не к священникам, шли люди со своими бедами, у них просили милости, дождя, урожая, понимая, что от этого зависит их жизнь или смерть. «*Там уже и Хорс, и Велес, и Купала, и Троян...только вереск, вереск, вереск нарастает по краям*». Но забывшие старых богов, со временем забудут и новых. Безымянные кресты – итог страшный и сокрушительный, как для богов, так и для покинувших этот мир людей. Беспамятство – страшная болезнь, ведь вслед за мертвыми, забывают и живых родных и близких, человек обрекает себя на одиночество, и жизнь перестает приносить радость... «*И юнца сглотнет, и старца... Отсчитай веков до ста, рядом с Хорсом, может стать, прикопают и Христа*».

Такая безрадостная картина возникает в реальности, да и не только в реальности, но и в наших душах образуется «беспамятная яма», бездна, которая поглощает все. Хлебнув воды из реки забвения, в Аиде становится легко и просто жить. Беспамятство дарит покой. «*Все забыто, все забыто, все прошло, как ни крути, Только лунный след копыта возле млечного пути*»...

Вероятно, и на этом свете до поры и до времени в забвении жить проще и легче, но этим мы лишаем бессмертия и близких, и себя. И что же тогда нам, пребывающим в покое, останется? Та же безрадостная, жуткая картина, как в Аиде, где все спокойны и безмятежны. Герои Троянской войны остаются в долине Забвения, там, сталкиваясь друг с другом, они не помнят, кто тут свой, а кто чужой. И только один Сизиф упрямо катит на гору свой камень, ведь если он его туда закатит, то его отпустят назад в мир, который он так любит и о котором все время помнит. Для него, любящего жизнь, бросающего вызов богам, есть надежда вернуться назад, как вернулся в свое время другой бунтарь – Прометей.

Говорят, что в мире ничто не исчезает бесследно, об этом размышляет Мастер в стихотворении «Следы на песке».

Следы на песке

*Вселенною правит нетленный закон:
Все вечно, ничто не пройдет без следа.
И против бумаги бессилён огонь,
И против огня бесполезна вода.
Не верь в беспощадность течения лет –
Со временем пыль обратится в гранит.
И добрый твой след, и недобрый твой след
Прибрежный песок навсегда сохранит.*

Мастер напоминает нам очень важную истину, что добрые и недобрые дела оставляют свой след в этом мире, сколько бы времени не прошло. У нас остается только один выход, и об этом все время напоминает нам Мастер – это помнить, это катить в гору свой камень-память, веря, что нам удастся его туда поднять, даже если весь мир и боги против нас. «Подпирая тяжелую память плечом, знаю я – пока помню, я вечен».

Конечно, в первую очередь нам возвращают память и дарят бессмертие поэты. Это они те самые Сизифы, изнуренные непосильным трудом, но упрямодвигающиеся вперед к своей вершине. Они стараются оставить в чеканных строчках все, что удалось им узнать и понять об этом мире:

*Все объяснимо – меня голова, а не ноги, кормит.
А голове отдыхать приходится крайне редко.
С каждым годом все дальше крона, все ближе корни,
Все дороже мечты и вера далеких предков...*

*Пишу стихи. А у тех, кто пишет – своя дорога.
И не нужны нам – ни трон, ни митра, ни "мерин" чалый,
Во все эпохи поэты слушают только Бога,
И ищут Слово, чтоб в этот мир возвратить Начало.*

«В этот мир возвратить Начало» – загадочная строчка, на самом деле, когда «все ближе корни и все дальше крона», поэт, да и просто человек, забывает о суете, о сиюминутном, и все чаще задумывается о вечности и бессмертии, и вот тогда он снова возвращается к Началу.

Об особой роли Поэта – хранителя памяти, размышляет Мастер и в стихотворении «Пятая стихия», эпитафия к которому он взял из знаменитого стихотворения Ф.И. Тютчева.

Пятая стихия

*Нам не дано предугадать
Ф.И. Тютчев*

*Устав от пресной чепухи,
Как в море ухожу в стихи я –
Ведь эта пятая стихия
Просторней остальных стихий.
Пусть только вторю небесам,
Когда царапаю скрижали –
Пером ли, острием ножа ли –
Я становлюсь мудрее сам.
Предугадать не суждено,
Но, знаю, слово отзовется:
Что тонко сказано – не рвется,
А, как хорошее вино,
По мере шестивия веков
Лишь набирает терпкий градус –
Разумным людям дарит радость,
И отрезвляет дураков.*

Мастер называет поэзию пятой стихией, наравне с воздухом, водой, землей и огнем.

Поэт – это переводчик, но переводчик языков тех стихий, которые понять дано не всем. Услышать, записать словами ту музыку, которая звучит в эмпиреях, и даже если «не дано предугадать», как был убежден Тютчев, то остается уверенность, что «слово отзовется», а тем самым достигнет главной задачи – сохранится в памяти.

Жизнь человека от рождения до смерти – это тот самый подъем с тяжелым камнем в руках. Поднимаясь выше и выше, рано или поздно нам суждено сорваться вниз – иного не дано... Кто-то так и остается сидеть около подножья горы. Но каждый из поэтов должен проделать этот путь, потому что важен не результат, а именно сам путь. В процессе восхождения мы совершаем какие-то важные поступки и творим бессмертные произведения.

Раньше или позднее для каждого из нас наступает час ухода. Игорь несколько раз писал о «Дне поминовения» – спокойно и мужественно рассуждая о неизбежном.

День поминовения

*Поминальную чашу осушим
Над землей, где зарыты таланты.
Вспомним тех, чьи мятежные души
Мы вперед пропустили галантно.
Помолчим. Все равно не напиться
Философским течением буден.
Постоим. А куда торопиться?
Все мы там своевременно будем.*

*Пахнет пыльным цветком валерьяны
Нескончаемый марш на погосте.
Что ни день, в оркестровые ямы
Мир бросает израильские кости.
Но молчат, не имущие сраму
Новоселы кладбищенских линий –
Бренных тел опустевшие храмы,
По кресты, утонувшие в глине.*

*И смахнув со щеки аккуратно
Горечь слез, набежавших невольно,
Неохотно уходим обратно –
В жизнь, которая делает больно,
Где рекламно кипит мегаполис,
Семь грехов предлагая любезно,
Где любовь, как спасательный пояс,
Нас с тобой удержала над бездной...*

В октябре 2012 года, когда за полгода до ухода Игоря Царёва так же внезапно скончался Михаил Анищенко, Мастер успел сказать пронзительные слова, обращенные к тем, кому еще предстоит остаться и хранить память. Чтобы Поэт продолжал жить, ничего не нужно придумывать и додумывать:

«...именно сейчас так важно каждое слово об Анищенко. Чтобы не дать тьме забвения завалить, затоптать тот свет, который вложил Михаил в свои строки. Игорь Царёв 09.12.2012»

Забвение – тьма, а память – свет и бессмертие. Все просто и одновременно сложно. Но у тех, кто ценит и любит истинную поэзию, нет иного выбора – только помнить, идти по предназначенному пути и катить камень своей памяти в гору, как это делал когда-то Сизиф, мифу о котором Игорь Царёв подарил новое прочтение, а его герою – вторую жизнь.

* * *

Поэзия – великий бред
Вне всяких логик и законов.
Висит в хлеву ее икона
И источает яркий свет...

Но тьма незыблема пока.
Напрасна утонченность речи,
Напрасно щедрая рука
Жемчужный бисер свиньям мечет.
И успокоенные души
Покойной мутью сонных глаз,
Не отрываясь от кормушек,
Блаженно шуряты на Вас.
Жуют, прицениваясь к слову,
И светлый миг в своей судьбе
Лениво променять готовы
На миску свежих отрубей.
Вы – лучезарное виденье,
Великий бред, святая чужь.
Одно лишь к Вам прикосновенье
Приносит очищенье душ.
И очищенья совершались –
Со всех сторон из тьмы легки
И очарованны слетались
На Ваше пламя мотыльки.
И за мгновенье вдохновенья
Вам отдавая сон и хлеб,
Сгорали в радостном хорале,
Собою освещая хлев –
Где успокоенные души
На завтрак, ужин и обед,
Не отрываясь от кормушек,
Блаженно шуряты на свет.

Старая незнакомка

Дыша духами и туманами...
А.Блок

По скользкой улочке Никольской,
По узкой улочке Миусской
В разноголосице московской –
Едва наполовину русской,
Ни с кем из встречных-поперечных
Встретаться взглядом не желая,
Вдоль рюмочных и чебуречных
Плывет гранд-дама пожилая.

Ни грамма грима, ни каприза,
Ни чопорного политеса,
Хотя и бывшая актриса,
Хотя еще и поэтесса,
Среди земных столпотворений,
Среди недужного и злого,

В чаду чужих стихотворений
Свое выхаживает слово.

В нелепой шляпке из гипюра
(Или другого материала?)
Она как ветхая купюра
Достоинства не потеряла.
В нелегкий век и час несладкий
Ее спасает книжный тоник,
Где наши судьбы лишь закладки,
Небрежно вставленные в томик.

Чудаки

Как мартовские чердаки
Всегда у неба под рукою,
Так и ночные чудаки,
Радеющие над строкою,
Старатели пустых пород,
Пророки от словесной гущи,
Они – обманчивый народ! –
То немощны, то всемогущи.
Упрямейшие из ослов,
С пылающими головами
И умирают из-за слов,
И возрождаются словами.

Иероним

Съели сумерки резьбу,
украшавшую избу.
Звезды выступили в небе,
как испарина на лбу.
Здесь живет Иероним –
и наивен, и раним
Деревенский сочинитель...
Боже, смилуйся над ним!
Бьется строф ночная рать...
Сколько силы ни потрати,
все равно родня отправит
на растоп его тетрадь.
Вся награда для творца –
синяки на пол-лица,
но словцо к словцу приладит
и на сердце звон-ни-ца...
На печи поет сверчок,
у свечи оплыл бочок –
все детали подмечает
деревенский дурачок.
Он своих чернильных пчел
прочим пчелам предпочел,
пишет – будто горьким медом...
Кто б еще его прочел...

Большому поэту

Б. Окуджаве

Грустный взгляд бровями взят в кавычки.
Прожигаю время папироской,
Ты молчишь, сутулясь по привычке,
Чтобы показаться ниже ростом.

Каждым шагом в зыбкой почве тонешь,
Сея звезды, словно зерна гречки,
Смотришь, как клюют с твоей ладони
Маленькие злые человечки.

Глеющий огонь душевной смуты
Не погасишь чаем из стакана.
Смех высокомерных лилипутов
Унижает даже великанов.

Но строка – чернильная, святая
В небо колокольное стучится.
И над ней перо твое летает,
Так и не привыкнув мелочиться.

Бродскому

Не красками плакатными
был город детства выкрашен,
А язвами блокадными
до сердцевины выкрошен,
Ростральными колоннами,
расстрелянною радугой
Качался над Коломной,
над Стрельною и Ладогой...
И кто придет на выручку,
когда готовит Родина
Одним под сердцем дырочку
для пули и для ордена,
Другим – лесные просеки,
тюремные свидания,
А рыжему Иосику –
особое задание...
Лефортовские фортели
и камеры бутырские
Не одному испортили
здоровье богатырское.
Но жизнь, скользя по тросику,
накручивая часики,
Готовила Иосику
одну дорогу – в классики.
Напрасно метил в неучи
и прятался в незнание,
Как будто эти мелочи
спасли бы от изгнания!
И век смотрел на олуха
с открытой укоризною:
Куда тебе геологом
с твоею-то харизмою?..
Проем окошка узкого,
чаёк из мать-и-мачехи...

Откуда столько русского
в еврейском этом мальчике?
Великого, дурацкого,
духовного и плотского...
Откуда столько братского?
Откуда столько Бродского?

Волчий гон

В.С. Высоцкому

Волчий гон закип в конском щавеле.
Где былой азарт серой унии?
Души вольные опрыщавели –
Не волнует их полнолуние.

Глотки кашлем рвет едкий дым костра,
Вновь в бега вожак стаю выстроил.
Я отстал на шаг, жжет меня не страх,
А предчувствие перед выстрелом.

Дождь вбивает спесь в грязь по темечко –
Не дерзи, воздай богу богово!
Как лукаво, друг, это времечко!
Как убого, брат, наше логово!

Хриплый лай собак гонит нас вперед,
Хлесткий стук копыт, запах потников...
Подожди, вожак, будет наш черед
Поохотиться на охотников!

Нас укроет лес темным облаком.
Не проехать здесь, чтоб не спешиться...
Будет пир клыкам – тот, кто дым лакал,
Головой врага будет тешиться.

А пока – бега, так что кровь из лап.
Хмурый день ведет свой свинцовый счет...
Волчий гон отдаст только тех, кто слаб,
А другим, Бог даст, повезет еще.

Марине Цветаевой

...Когда в елабужской глуши,
В ее безмолвии обидном
На тонком пульсе нитевидном
Повисла пуговка души,
Лишь сучий вой по пустырям
Перемежался плачем птичьим...
А мир кичился безразличьем
И был воинственно упрямым...

Господь ладонью по ночам
Вслепую проводил по лицам
И не спускал самоубийцам
То, что прощал их палачам...
Зачтет ли он свечу в горсти,
Молитву с каплей стеарина?
Мой Бог, ее зовут Марина,
Прости, бессмертную, прости...

*Ежегодная
Международная
литературная премия
имени Игоря Царёва*

НАЧАЛО

31 мая 2013 года в Молодежном историческо-культурном центре «Особняк купца В.Д. Носова» прошел Вечер памяти Игоря Царёва, организованный «Избой-Читальней». И хотя со дня ухода Поэта из жизни не прошло и двух месяцев, и к этому времени уже состоялось несколько аналогичных по тематике встреч, но эта была особенной. Впервые к друзьям и почитателям Поэта пришла вся его семья и самые близкие друзья.

Портрет Игоря Царёва утопал в цветах, зал и прилегающие к нему коридоры были заполнены людьми, пришедшими отдать дань памяти любимому поэту. Да и сама красота усадьбы и ее залов придавала происходящему особенную торжественность.

Именно в этот день впервые прозвучало предложение учредить ежегодную Международную литературную премию имени Игоря Царёва. Призвал собравшихся к этому Заслуженный работник культуры РФ, секретарь Правления МОО СП России, член Коллегии Министерства культуры Московской области, редактор Военно-художественной студии писателей Минобороны России, поэт **Игорь Витюк**, в дальнейшем ставший бессменным (вот уже три года) председателем Конкурсной комиссии Премии имени Игоря Царёва.

Спустя 5 месяцев всё уже было подготовлено для учреждения Премии.

В состав учредителей вошли **Ирина Борисовна Царёва** – жена Игоря Царёва, член СП России, писатель; **Вадим Петрович Могила** – отец Игоря Царёва, профессор; **Марк Григорьевич Розовский** – драматург, режиссёр театра «У Никитских ворот»; **Людмила Николаевна Мережко** – заслуженный работник культуры РФ, директор Московского литфонда; российские и международные литературные сообщества, журналы и альманахи: Международный поэтический альманах «45-я параллель», Международный литературный журнал «Зарубежные задворки» (Германия), проект «Русское безрубжье» (США), **Южнорусский союз писателей** (Украина), Межрегиональная общественная организация - Литературно-общественное объединение «Изва-Читальня» (Россия).

Информационную поддержку Премии имени Игоря Царёва взяли на себя: издание Правительства РФ «Российская газета», Издательский Дом «Книжное обозрение», литературный журнал «Дальний Восток», Международный поэтический альманах «45-я параллель», Международный литературный журнал «Зарубежные задворки», Международный литературный журнал «Сетевая словесность», Международный творческий ресурс соотечественников «Подлинник», творческая гостиная DILIGANS (Украина), литературно-художественный журнал «Гостиная», ОРЛИТА (Объединение Русских ЛИТераторов Америки), Интернет-журнал «Эрфолг», радиостанция «Старое радио», сетевые поэтические сайты.

И вот уже третий сезон налаженное взаимодействие этой команды делает привлекательной Премией имени Игоря Царёва для участия в ее конкурсах поэтов России, Ближнего и Дальнего зарубежья.

Из Положения о Ежегодной международной литературной премии имени Игоря Царёва:

В память о поэте Игоре Царёве, для сохранения и популяризации его литературного наследия, а также в целях поощрения творчества граждан России и иностранных государств по созданию высокохудожественных литературных произведений на русском языке, для сохранения и приумножения традиций русской словесности с 11 ноября 2013 года учреждается ежегодная Международная литературная премия «Пятая стихия» имени Игоря Царёва.

Премия вручается в трех номинациях:

- в номинации «**Поэзия**» – за высокохудожественные произведения, созвучные поэтическому творчеству Игоря Царёва победители получают приз «Большой Бронзовый колокол» и премию в размере 30 тысяч рублей; финалисты – медаль с логотипом Премии;

- в номинации «**Музыкальные произведения на стихи Игоря Царёва**» – победители получают приз «Бронзовый колокол» и премию в размере 10 тысяч рублей;

- в номинации «**Верность памяти**» - приз «Малый Бронзовый колокол» и подборка книг Игоря Царёва (поэзия и проза).

В рамках премии предусмотрены «**Специальные призы**», учредителями которых могут стать как литературные сообщества, или СМИ, так и частные лица из числа учредителей, оргкомитета и жюри конкурсов – форму поощрения (призы и/или премии) каждый, учредивший специальный приз, выбирает по своему усмотрению.

Всем лауреатам (вне зависимости от номинации) вручаются оригинальные дипломы «Пятой стихии».

Для проведения конкурсов создаются **Организационный комитет** и **Конкурсная комиссия (жюри)**.

В составе Конкурсной комиссии работает литературный обозреватель, рецензии которого на работы участников второго тура (после отборочного и первого туров) публикуются на форуме «**Конкурсы**» сайта «**Пятая стихия**».

Сайт «**Пятая стихия**» - информационная площадка Премии имени Игоря Царёва. На нем доступно и в системе онлайн обеспечивается доступ всех желающих к материалам Премии.

Ежегодно правила и условия каждого конкурсного сезона Премии публикуются на страницах сайта.

Прием заявок на участие в конкурсе начинается с **11 января** каждого конкурсного сезона и завершается Торжественной церемонией вручения наград лауреатам, приуроченной к Дню рождения Игоря Царёва – **11 ноября**, Церемония традиционно проходит в гостеприимных стенах **библиотеки имени М.Ю.Лермонтова**.

Подборка стихов победителя и лауреатов, обладателей специальных призов передаются для публикаций на поэтических ресурсах, информационно поддерживающих проведение конкурса.

Материалы о присуждении премии публикуются в печатных и электронных средствах массовой информации.

По завершении ежегодных конкурсов МОО «**Имба-читальня**» издает **сборник «Пятая стихия»** с подборками стихов всех лауреатов конкурса и выборочно боровшихся за выход в финал участников 2-го тура конкурса.

...говором дальних провинций прорастают в столице другие певцы и провидцы

Эти строки из стихотворения Игоря Царёва «Этот стреляный город», пожалуй, лучше всяких разъяснений и пояснений подтверждают, что цель, поставленная при утверждении Премии его имени, достигнута. Достаточно посмотреть на список лауреатов двух предыдущих сезонов.

В нем можно увидеть не только уже известные имена, но и открыть для себя новые. И привычное, даже в чем-то обидное мнение, что «все достается москвичам», «Пятая стихия» опровергла в полной мере! Это видно из списка лауреатов:

Первый сезон «Пятой стихии» (2014г.)

Номинация «Поэзия»:

Победители – ЮРИЙ ГЛАДКЕВИЧ (Москва), ВЛАДИМИР КВАШНИН (таёжный охотничий поселок Саранпауль, ЮГРА).

Финалисты - АЛЕКСАНДР ГАБРИЭЛЬ (США), ЕВГЕНИЯ БАРАНОВА (Крым), ОЛЕГ СЕШКО (Белоруссия), КЛАВДИЯ СМИРЯГИНА (Санкт-Петербург), ГЕННАДИЙ ПЕТРАКОВ (Санкт-Петербург), МАЙЯ ШВАРЦМАН (Бельгия), РЫЛЬЦОВ ВАЛЕРИЙ (Ростов-на-Дону), ПОКЛОННАЯ ЛЮДМИЛА (Якутск), ПОДИСТОВА ЛАРИСА (Новосибирск).

Лауреаты специальных призов - АЛЕКСАНДР ГАБРИЭЛЬ (США), ВАЛЕРИЙ РЫЛЬЦОВ (Ростов-на-Дону) - ВЛАДИМИР КВАШНИН (ЮГРА), МАКСИМ ЖУКОВ (Евпатория), ВИКТОРИЯ ИЗМАЙЛОВА (Чита), ТЭЙТ ЭШ (Арабские Эмираты), НАТАЛИЯ ПРИЛЕПО (Тольятти), ИЗМАЙЛОВА ВИКТОРИЯ (Чита), КОЛМОГорова НАТАЛИЯ (Самарская область), ПЕВЗНЕР ГРИГОРИЙ (Германия), СУРИНА ЕЛЕНА (Орск), МУДРОВА ЕЛЕНА (Харьков, Украина) АЛЕКСАНДР ТОПЧИЙ (Москва), НАТАЛЬЯ КРАВЧЕНКО (Саратов).

Номинация «Музыка»:

Победители - ОЛЬГА КУЗНЕЦОВА (Москва), ВЛАДИМИР ЗАЧЕПА (Украина).

Номинация «Верность памяти»:

Лауреаты - НИКОЛАЙ БУРМИСТРОВ (Москва), ИГОРЬ ЛУКШТ (Москва), ГАЛИНА ПЫСИНА (Хабаровск), ЕЛЕНА КРАДОЖЕН-МАЗУРОВА (Хабаровск), ВЛАДИМИР ЛИТВИШКО (Ессентуки), ЛЮБОВЬ СУШКО (Омск), АНАТОЛИЙ БЕРЛИН (США)

Второй сезон «Пятой стихии» (2015г.)

Номинация «Поэзия»:

Победитель не назван.

Финалисты - ЕЛЕНА КОПЫТОВА (Латвия), КЛАВДИЯ СМИРЯГИНА (С-Петербург), ГАЛИНА БУЛАТОВА (Казань), НАТАЛЬЯ МАЛИНИНА (Ярославль), МАРИНА МАТВЕЕВА (Крым), ОЛЬГА ФЛЯРКОВСКАЯ (Москва), ЕВГЕНИЙ ОВСЯННИКОВ (Нижний Новгород), ГЕННАДИЙ АКИМОВ (Курск), АНАСТАСИЯ ПРИЕДНИЕЦЕ (Латвия), АНДРЕЙ ДАНИЛОВ (Енисейск), ТАТЬЯНА ПАРТИНА (Украина).

Специальные призы - ЕЛЕНА КОПЫТОВА (Латвия), КЛАВДИЯ СМИРЯГИНА (С-Петербург), ГАЛИНА БУЛАТОВА (Казань), НАТАЛЬЯ МАЛИНИНА (Ярославль), АНАТОЛИЙ ЛИВРИ (Франция), АНАТОЛИЙ БЕРЛИН (США), СЕРГЕЙ КУРЬЯН (Хабаровск), ЮРИЙ БЕРДАН (США), ТАТЬЯНА КОМИССАРОВА (Москва), АНАСТАСИЯ ПРИЕДНИЕЦЕ (Латвия), МАЙЯ ШВАРЦМАН (Бельгия), ГЕННАДИЙ АКИМОВ (Курск).

Номинация «Музыка»:

Победители - АЛЕКСАНДР ЕРМАКОВ (Тула), МУРАТ и ТАТЬЯНА ЕЛЕКОЕВЫ (Моск.область)

Номинация «Верность памяти»:

Лауреаты - ВИКТОР МАНЬКОВ (Удмуртия), ЕЛЕНА КРАДОЖЕН-МАЗУРОВА (Хабаровск), АНАТОЛИЙ ЛИВРИ (Франции), ГАЛИНА БУЛАТОВА (Казань), ПЕТР ГОЛУБКОВ (Краснодар), ВЛАДИМИР САЧКОВ (Краснодар), АЛЕКСАНДР ЛИХОЛЕТ (Донецк), ОЛЕГ ВАЙС (Германия), ВАЛЕРИЙ ГОЛУБЕВ (Сергиев-Посад).

Представив читателю весь этот список, хочется еще раз поздравить лауреатов прошлых сезонов с тем, что они участвовали в нашем престижном и очень чистом, а, значит, и честном конкурсе, и были отмечены его наградами! И еще хочется пожелать всем тем, кто уже участвует в третьем его сезоне (2016г.), удачи и успеха!

Как мы видим, география лауреатов широка. И это – предмет особой гордости «Пятой стихии»! В нашем конкурсе нет «подковёрных игр» и «междусобойчиков». Мы открываем новые имена и напоминаем об уже известных в поэтической среде авторах бескорыстно и при полной прозрачности хода голосования. Наша главная цель - сохранение и приумножение традиций русской поэзии.

Валерий Белов,
гл. редактор «Избы-Читальни» -
соучредителя Международной
литературной Премии
имени Игоря Царёва

Царёв. Хабаровск. Россия

Галина Пысина,
член МГО СПР,
писатель, поэт,
председатель
Совета ветеранов
прокуратуры
Хабаровского
края

«...и до сих пор сквозь все пределы я этим городом ведом»

Хабаровск был и остается литературной столицей Дальнего Востока. Известные всему миру писатели и поэты часть своей жизни или всю жизнь посвятили этому удивительному краю и городу на Амуре. Хабаровск на берегу величавого Амура — город, располагающий к творчеству.

На Амуре за два года до основания Хабаровска в середине 19 века побывал участник кругосветной экспедиции писатель И.Гончаров, создавший книгу «Фрегат «Паллада». В конце того же века через всю Россию, добираясь разными видами транспорта вплоть до телеги, прибыл в Хабаровск мастер русской словесности писатель А.Чехов, издавший наряду с девятью сибирскими очерками о своем путешествии книгу «Остров Сахалин». Чехов прошелся по улицам нашего города, раскинувшегося вдоль высоких берегов Амура на несколько километров.

В советское время именно здесь, в Хабаровске, творили и работали известные писатели и поэты В.Арсеньев, А.Фатеев, А.Гайдар, Н.Задорнов, А.Вахов, А.Семенов, Г.Ходжер, Р.Казакова и др. В нашей памяти творческие работы поэтов В.Захарова, В.Еращенко, А.Аёшина, В.Лунина. Мы знаем стихи ныне живущих в Хабаровске поэтов: Л.Миланич, Е.Кохана, А.Федотова, М.Самаркина, Е.Неменко, Е.Добровенской, М.Савченко, А.Иванова, А.Давыдова. Дстойная славы и памяти своих земляков, растёт их юная смена: С.Курьян, А.Павлова, И.Голованов, М.Юзефов.

Но среди поэтов XXI века выделяется творчество ставшего всемирно известным поэта Игоря Царёва, в 2012 году получившего национальную премию «Поэт года» и удостоенного титула «Золотое перо России».

Игорь Царёв (Игорь Вадимович Могила) детские и юношеские годы провел в Хабаровске, окончил математический лицей, на закрытом промышленном предприятии получил трудовую книжку и путевку в жизнь.

Он вырос под бескрайним от синевы дальневосточным небом, с юности

познал суровость и величественность родного края, ощутил ширь великого Амура и Тихого океана, любовался нашими голубыми горами и сопками. Становой хребет, Джугджур, Хехцир — эти родные дальневосточникам названия самобытно вплетаются в стихотворения Царёва. Уже вдали от своей Малой родины он помнил и воспел «*коленопреклоненный дом*» и «*искры звездные паровозные*», оставившие след в его сердце. Он писал: «*всё также снится седой Хехцир и зовёт, скучая по мне, Амур*». Эти чувства близки каждому дальневосточнику!

Харьковский поэт Андрей Земсков-ранее проживавший на Дальнем Востоке, направил подборку стихов Царёва в журнал «Дальний Восток» - литературный российский журнал, вошедший в «Золотой фонд прессы 2015». Инициатива Земскова была поддержана редактором отдела поэзии Еленой Добровенской.

Первая подборка стихов Игоря Царёва вышла в журнале при его жизни, и Поэт искренне этому радовался — его будут читать земляки! И, несмотря на то, что он печатался под псевдонимом, дальневосточники знали, что это читают стихи такого же, как они, дальневосточника. Ведь Игорь Царёв поддерживал с некоторыми из них переписку и обменивался информацией. На его поэтическое творчество еще в 1992 году обратила внимание филолог Елена Крадожён-Мазурова. По электронной системе связи с ним обменивались информацией Марина Савченко и другие авторы.

Книги Игоря Царёва (стихи, проза, публицистика) все эти годы собирались в библиотеке средней школы №15 имени Пяти Героев Советского Союза, в которой учился Поэт.

Пик славы в рано прервавшейся жизни Игоря Царёва пришелся на Всемирный День Поэзии 21 марта 2013 года. Свидетелем триумфа поэта стала автор этой статьи, присутствовавшая на знаменитом мероприятии: более 1000 авторов из разных уголков нашей страны и русского зарубежья заполнили Центральный Дом Литераторов в Москве. Поэты и писатели - признанные и непризнанные, известные, малоизвестные и совсем неизвестные - стояли в проходах, в фойе, на лестничных пролетах ЦДЛ. И когда было названо имя Игоря Царёва, как победителя Национальной премии, и зал, и заполненные людьми помещения вне зала, следившие за Церемонией на телевизионных экранах ЦДЛ, взорвались аплодисментами. «Золотое перо» - главный приз конкурса Поэту-победителю вручил художественный руководитель «Театра у Никитских во-

рот» **Марк Розовский**. Потом он прочитал со сцены стихотворение Царёва о Марине Цветаевой:

«...*Мой Бог, ее зовут Марина. Прости, бессмертную, прости*», - всемирно известный деятель культуры словами поэта Игоря Царёва попросил Господа за всех ушедших Поэтов. А Игорь Царёв, которому оставалось прожить в лучах славы ровно две недели, всех поблагодарил и констатировал: «Поэзия жива!»

4 апреля 2013 года Игорь Царёв умер за своим рабочим столом в редакции «Российской газеты»... Его смерть объединила поэтов и писателей, представителей других творческих профессий в их стремлении сохранить и пропагандировать творческое наследие исключительно талантливого автора — поистине Поэта XXI века.

Была учреждена Международная литературная премия имени Игоря Царёва, в рамках которой проводится ежегодный международный литературный конкурс «Пятая стихия». Объединяющим центром этой деятельности стала жена поэта — писатель Ирина Царёва. А в состав учредителей, кроме российских и зарубежных сообществ, вошли жена поэта, его отец — профессор Вадим Петрович Могила, драматург Марк Розовский и директор Литфонда Москвы Людмила Мережко.

Не остались в стороне и земляки Игоря Царёва — хабаровчане, дальневосточники. Перечисление всего, что было сделано в Хабаровске с целью пропаганды и сохранения творческого наследия Поэта, невозможно в рамках одной статьи. Вот некоторые вехи той работы, которая была проделана.

Инициативная группа школьников и педагогов школы №15 во главе с библиотечарем Н.Кузнецовой при поддержке директора школы Ю.Новакова организовали и провели в 2013 году литературные гостиные среди старшеклассников. Говорили о творчестве Поэта, читали его стихи.

26 апреля 2013 года стихи Игоря Царёва прозвучали перед участниками творческой встречи «Муза при свечах» и произвели на них очень сильное впечатление.

После смерти Поэта Ирина Царёва по просьбе Елены Добровенской передала в журнал «Дальний Восток» стихи Игоря Царёва, предоставив право журналу печатать их по своему выбору. С того времени в нескольких номерах журнала периодически выходили подборки его стихов. Стихи Игоря Царёва опубликованы и в журнале «Аргументы

времени», который издается в Хабаровске и стал победителем литературной премии имени Константина Симонова.

В феврале 2014 года для участия в проходившем в Хабаровске конкурсе «Лучший хранитель истории-2014г» была приглашена мать поэта Екатерины Семеновны Кирилловой.

1 апреля 2014 года после ее выступления и представления архива, связанного с творческой работой сына в его юношеский период, ей было присуждено второе место в номинации «Семейная коллекция». Почетный диплом Екатерине Семеновне вручал мэр Хабаровска.

3 апреля 2014 года в годовщину ухода Поэта из жизни его родители про-

вели поминальный ужин, где, на удивление всем присутствующим, бывшие одноклассники Игоря стали читать написанные им в школьные годы стихотворения, не известные даже его родителям. Поразительно! С тех времен прошло больше 40 лет, но ребята помнили их все эти годы!

4 апреля 2014 года, в день памяти поэта, состоялась литературная встреча с членами клуба «Муза при свечах» в городском доме ветеранов имени Соболевского. Школьники и члены клуба читали стихи Поэта, слушали и смотрели презентацию, подготовленную к этому дню.

В мае 2015 года создано межвузовское студенческое литературное объединение – ЛИТО имени Игоря Царёва. Оно функционирует при активной поддержке Русского литературного клуба Дальневосточного округа.

С 30 ноября по 2 декабря 2015 года на базе двух высших учебных заведений, при участии членов межвузовского студенческого ЛИТО имени Игоря Царёва и слушателей Хабаровской духовной семинарии организованы и проведены Первые «Царёвские чтения» – «Царёв. Хабаровск. Россия».

Все литературные мероприятия ос-

вещаются в электронных СМИ, в журнале «Аргументы времени», в газетах «Вести Хабаровска», в новостных каналах города. Хабаровской телестудией сняты два видеоролика, посвященные творчеству поэта и его родителям, проживающим в Хабаровске. В городе переданы в городской архив и распространены среди участников литературных встреч книги «Любя и веря вопреки», «Ангел из Чертаново», «Лауреаты первого поэтического конкурса «Пятая стихия» и музыкальные диски с записями песен на стихи Игоря Царёва.

С весны 2015 года Русский литературный клуб осуществлял деятельность, направленную на реализацию и продвижение ходатайства учащихся и педагогов СШ №15 Хабаровска об установлении мемориальной памятной доски на здании школы.

16 февраля 2016 года Городская Дума приняла решение об увековечении памяти и установлении памятной доски поэту, писателю, публицисту и журналисту Игорю Царёву. Мемориальная доска будет установлена на фасаде здания школы №15 имени Пяти Героев Советского Союза.

Наш город показал, что умеет ценить своих славных земляков.

ОТ РЕДАКЦИИ – МАЛОЙ РОДИНЕ ПОЭТА

Имена, которые войдут в историю

Славен тот город, который умеет ценить своих земляков. Но город – это, прежде всего, люди. Будущие поколения всегда с благодарностью будут помнить тех, кто не позволил прославившим их Малую родину именам сгинуть и раствориться в потоке времени.

Редакционная коллегия журнала и правление МОО «Изба-Читальня» выражают свою благодарность дальневосточникам-хабаровчанам, вложившим часть своего сердца в увековечение имени выдающегося поэта и замечательного человека Игоря Царёва. И мы не сомневаемся, что к нам присоединится не только вся Россия, но и русскоговорящее Зарубежье.

Прежде всего, наш низкий поклон председателю Совета ветеранов прокуратуры Хабаровского края, писателю и поэту **Галине Пысиной**, активно пропагандирующей творчество Игоря Царёва и принявшей на себя тяжелую, но самую важную в деле увековечения памяти Поэта роль – организатора всех действий по увековечению имени Игоря Царёва в Хабаровске.

Следующее имя - **Елена Крадожен-Мазурова**, кандидат филологических наук, доцент, уже несколько лет изучающая творчество Поэта, привлекающая к изучению его произведений преподавателей литературы в ВУЗах и школах, студентов и школьников. Ее научные статьи об индивидуальном стиле поэзии Игоря Царёва – это первый шаг к изучению его творчества в академических кругах.

Елена Добровенская - редактор отдела поэзии журнала «Дальний Восток», первой с подачи поэта **Андрея Земскова** представившая поэзию Игоря Царёва в дальневосточном литературном печатном издании.

Благодаря этим замечательным людям, давшим на Дальнем Востоке «путевку в жизнь» поэтическим произведениям Игоря Царёва, и возник импульс к объединению земляков Поэта вокруг его имени.

Подробно рассказать обо всех хабаровчанах, истинных патриотах своего города, показавших себя верными памяти своего земляка – выдающегося поэта нашего времени, не позволяет формат нашего журнала. Но мы назовем их имена:

Александр Соколов – мэр города, **Вячеслав Безлепкин** – зам. мэра города, **Марина Стоякина** – начальник Управления культуры администрации города, **Людмила Ишаева** – заместитель руководителя Хабаровского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, **Лидия Люсый** – руководитель управления Хабаровского городского архива и культуры, **Евгений Колосов** – председатель комитета администрации по управлению Железнодорожным округом города, **Юрий Новаков** - директор школы имени Пяти Героев Советского Союза, **Галина Фирсова** - завуч школы имени Пяти Героев Советского Союза, **Людмила Волкова** – руководитель музея школы имени Пяти Героев Советского Союза, **Наталья Кузнецова** - библиотекарь школы имени Пяти Героев Советского Союза, **Александра Николашина** – главный редактор журнала «Дальний Восток», **Валентина Воейкова** – главный редактор журнала «Аргументы времени», **Лаура Сабитова** - художественный руководитель Хабаровского Городского Дома ветеранов им.Соболевского, **Марина Савченко** - руководитель ЛИТО имени Игоря Царёва, литературных клубов «Муза при свечах», «Галатей», «Амурия», клуба писателей при библиотеке имени Гайдара, **Сергей Курьян** – общественный руководитель ЛИТО им Игоря Царёва, **Валерий Герасимов** – директор музея истории города Хабаровска, **Татьяна Бутырина** – специалист музея истории города, **Ольга Потапенко** – директор Городской Детской библиотеки и Библиотеки семейного чтения имени Гайдара, **Екатерина Бондаренко** – сотрудник «Хабаровской научной библиотеки» ДВНГБ, **Елена Яремчук** – журналист «Комсомольской правды», **Надежда Курилина** – журналист ГТРК "Дальневосточная", **Иван Юров** - оператор ГТРК "Дальневосточная", **Сергей Чухломин** - начальник скульптурно-монументальной студии Дальневосточного художественного фонда, **Владимир Гуенок** – художник.

Страна должна знать своих героев! Не сомневаемся, что их имена вместе с именем Игоря Царёва войдут в историю.

Редакционная коллегия

Город «Ха»

Гроза над Становым хребтом
В шаманские грохочет бубны,
И пароходик однотрубный,
Взбивая сумерки винтом,
Бежит подальше от греха
К причалу, пахнущему тесом,
Туда, где дремлет над утесом
Благословенный город «Ха».

Я с детства помню тальники
И лопухие саранки,
И уходящие за рамки
Кварталы около реки,
Коленопреклоненный дом
В дыму сирени оголтелой...
И до сих пор сквозь все пределы
Я этим городом ведом.

Я вижу и закрыв глаза
Сквозь сеть ненастного ажюра,
Как от Хехцира до Джугджура
Гремит шаманская гроза...
И переборками звеня,
Держа в уме фарватер трудный,
Мой пароходик однотрубный
Опять уходит без меня.

* * *

Мое сатиновое детство
Душе оставило в наследство
Копилку памятных узлов,
Канву сплетая временами
Из трав с чудными именами
И музыки старинных слов.

Когда в багульниках Хингана
Играет солнечная гамма,
Венчая Ору и Амур,
Я в их названия ныряю,
Как будто судьбы примеряю
Неведомые никому.

Когда на Зее спозаранок
Среди аралий и саранок
Медовый воздух ал и густ,
Так сладко языком ворочать
Полузабытый говорочек,
Созвучья пробуя на вкус.

И до сих пор еще, бывает,
Они из памяти всплывают,
Как рыбы из немых стихий:
В седой висок не барабанят
Но лба касаются губами,
Благословляя на стихи

Таежный кровник

Я был нахален и проворен,
Когда нехитрую уду
Забрасывал в амурском створе
Беспечной рыбе на беду,
Гулял и в Тынде, и в Сучане,
Где тонкогубая заря
В заиндевавшем лунном чане
Варила кашу января.
Ел оленину в Салехарде,
Пил над Надымом звездный дым,
Где наугад, а где по карте
Судьбы накручивал следы,
Пренебрегал дешевым флиртом,
Хотя, бывало, и грешил,
Чистейшим медицинским спиртом
Врачуя пролежни души,
Прошел чухонский край и Кольский,
Искал отдушину в стихах,
Меня учил гитаре Дольский
В холодном питерском ДК.
На скалах Сикачи–Аляна,
По берегам большой воды
Моих ночевок и стоянок
Поныне теплятся следы...
Пусть я давно москвич бессрочный,
Горжусь, что прыть мою клян्या,
Весь гнус тайги дальневосточной
Считает кровником меня!

Переводчик

Перед небом я и босый, и голый...
Зря нелегкая часы торопила –
Сердце бьется, словно раненый голубь,
Залетевший умирать под стропила...
Ну, не вышло из меня капитана!
Обнесла судьба пенькой и штормами,
Не оставила других капиталов,
Кроме слов, что завалились в кармане.
Вот и жарю их теперь каждый вечер,
Нанизав строкой, как мясо на шпажку.
Даже с чертом торговаться мне нечем –
На черта ему душа нараспашку?
Толмачом и переводчиком чая,
Задолжавшим и апрелю, и маю,
Полуночную свечу изучая,
Языки огня почти понимаю.
Остальное и не кажется важным.
Согреваясь свитерком ацетатным,
Я однажды стану вовсе бумажным
И рассыплюсь по земле почитатно.
Дождь заплачет, разбиваясь о ставни,
Нарезая лунный лук в полукольца...
На полях ему на память оставлю
Переводы с языка колокольцев.